

18+

БЕЗУМНЫЕ

КАТРИН
КОРР

Катрин Корр Безумные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33178286

SelfPub; 2018

Аннотация

Кто бы мог подумать, что спустя несколько часов после расставания с возлюбленным, мечтательная Каролина позволит незнакомцу в маске затащить себя в беспросветную комнату и... поцеловать! Оказывается, «закрытые вечеринки» в популярном клубе «Манхэттен» не такая уж и редкость, вот только попасть туда может далеко не каждый. А тот, кому посчастливилось оказаться там, обязан соблюдать три простых правила: не снимать маску, не называть настоящего имени и не бояться делать того, что хочется. Ах да, и ни за что не влюбляться.

Содержание

Пролог	4
1	12
2	31
3	48
4	56
5	68
6	85
7	114
8	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Катрин Корр

Безумные

Пролог

Новеньких здесь видно сразу. Как правило, их выдает неуверенная походка и неестественные полуулыбки. Такое чувство, что их пригласили в какой-нибудь беспросветный подвал, где в тайне от взрослых старшеклассники пьют водку и покуривают травку. Глаза у этих растерянных бедняг мечутся из стороны в сторону, как будто никогда прежде им не доводилось бывать в подобном месте. А ведь это всего-навсего ночной клуб: современная музыка, бар, танцы, мигающие огни и безудержный кайф. Ничего сверхъестественного, однако большинству необходимо пропустить несколько стаканчиков, чтобы примириться с маскарадной атмосферой и порой до чертиков несусветным враньем новых знакомых. Когда-то и меня это пугало.

Поглядываю на часы. Через пять минут погаснет свет, и Кирилл поспешит издать свой пугающий рык, что заставляет девчонок звонко верещать и бежать в разные стороны. Не только дети любят играть в прятки, как оказалось.

– Привет, – томным голосом говорит мне брюнетка с миллионом мелких кудряшек на голове. У нее смуглая сверка-

ющая кожа, пышная грудь, что подчеркивает черная майка. Она новенькая, иначе я бы точно не оставил без внимания девушку с такой экзотической внешностью. И черт возьми, с такими шикарными бедрами! – Сейчас было бы кстати сказать мне что-нибудь в ответ, – усмехается брюнетка, обнажив белоснежные зубы. – Иначе я решу, что ты какой-нибудь злодей. Ты похож на киллера. Среди всех этих людей есть тот, кого ты должен *убрать*? – заговорщически спрашивает она.

– Может быть.

– Надеюсь, не меня? – В её глазах играют смешинки.

– А что, если так?

Незнакомка кривит полные губы, опускает голову и тихонько смеется. На ней разноцветная маска с множеством перьев, что торчат в разные стороны. Одно и вовсе вот-вот отвалится. Должно быть, в магазине «Все для маскарада» она просто схватила первую попавшуюся, даже не примерив её. Девушка благодарит бармена за коктейль и подмигивает мне. Не дав возможности продолжить наше знакомство, незнакомка потягивает темно-синюю жидкость из тонкой трубочки и плавно уходит, изящно виляя бедрами. Боже, какие же у нее бедра!

Слежу за ней до тех пор, пока её кучерявая макушка не скрывается за широкой колонной. Замечаю, что все мягкие диванчики у стены заняты в основном девушками. Некоторые из них пьют спиртные напитки, другие пробуют легкие

закуски и так же, как и я, оглядывают зал. Только они решают, где бы им спрятаться, когда погаснет свет, а я высматриваю из них ту, что чуть позже буду *искать*.

С той, что в бардовом платье, мы уже знакомы. Не помню её фальшивого имени, но могу отчетливо воспроизвести в памяти наигранное смущение, которое девушка демонстрировала всякий раз, когда я пытался заглянуть в её глаза. Мне нравится наблюдать за тем, как они меняют свой цвет в зависимости от того, *что* и *как* я говорю: легкий комплимент – сверкают как морская гладь на солнце, а их цвет медленно насыщается; от слов, произнесенных шепотом, они моментально темнеют и подергиваются поволокой желания. Эта девушка казалась недотрогой, милой девочкой, которую в этот стыд и срам привела бойкая подруга. Но спустя несколько минут, «тихоня» с силой притянула меня к себе и безжалостно растоптала всю мою стратегию увлекательной игры.

Еще две минуты и сверкающий зал поглотит темнота. Невольно прислушиваюсь к разговору двух парней. Они выпивают рядом со мной и поглядывают на девушек, что сидят за круглыми столиками. Одному приглянулась брюнетка в золотой маске, а другой с удовольствием познакомился бы с блондинкой в черном. По его словам она «чертовски горячая штучка». Безусловно, из всех присутствующих парней найдется кучка таких, чьей конечной целью сего вечера является секс. Они знакомятся, угощают девушек выпивкой, играют в прятки, правду или действие, а потом уединя-

ются в одной из комнат на несколько минут. Опять же, ничего сверхъестественного, но разве не хочется продлить эту игру на несколько раундов? В конце концов, если девушка заинтересуется выдуманным персонажем, она точно вернется сюда через четыре недели, чтобы вновь провести с ним время. *Такие* игры как раз по мне.

Прячу улыбку в стакане с виски и, сделав последний глоток, внимательно оглядываю столики. Словно птички, девушки в самых разных масках, тихонько щебечут друг с другом, словно делятся глубоко сокровенными тайнами. Наверяд ли это так, ведь ночной клуб с громкой музыкой не лучшее для этого место. Хотя, кто знает? Кстати, не эту ли песню напевала мне Мила несколько часов назад?

Ну уж нет. Только этого мне не хватало: думать именно *сейчас* об этой девчонке с глупыми истериками. Прогоняю ненужные мысли и останавливаю взгляд на блондинке, что резко поднимается с места, намереваясь оставить свою подругу в одиночестве. Она что-то говорит ей, как будто извиняется.

– Надеюсь, она собралась танцевать! – Парень рядом со мной почесывает подбородок и неотрывно наблюдает за блондинкой.

Слова его друга поглощает громкая музыка. А тем временем, блондинка отрицательно качает головой и бегло обводит взглядом весь зал. Она в темном облегающем платье, стройная, миниатюрная. На лице изящная черная маска с

несколькими кристаллами. И даже на столь внушительном расстоянии я вижу, что её глаза сверкают ярче, чем эти камни.

Нравится ли ей здесь? Или все происходящее пугает? Повсюду люди в масках, одни танцуют что есть сил, другие, словно зомби, ходят из стороны в сторону, подозрительно озираясь. Ясное дело, эта девочка – новенькая.

Наконец, музыка резко затихает, оставив любителей зажигать танцпол без единственного источника ритма. Свет повсюду плавно гаснет. В такой кромешной тьме ничего не видно, даже собственного пальца у носа, но за эти пятнадцать месяцев я выучил зал вдоль и поперек, умею ориентироваться в коридорах и точно знаю, куда ведет каждая дверь.

Кто-то задевает мое плечо и не спешит извиниться. Все вокруг начинает шуршать, зал стремительно поглощает волна приглушенных женских голосов и тихое хихиканье.

– Раз, два, три, четыре, пять, – низким голосом объявляет Кирилл где-то из глубины зала. – Я иду *тебя* искать.

И почему девчонок так пугают эти слова? Они ведь уже знают правила игры и уверены, что никто не причинит им вреда, но почему-то всякий раз, слыша эту считалку, начинают верещать так громко, словно попали в какой-нибудь фильм ужасов, типа «Кошмаров на улице Вязов». Да и большинство из присутствующих так или иначе знакомы друг с другом, можно сказать, что все мы здесь – одна большая придурковатая семейка.

– Вот черт! Мне кто-то на ногу наступил! – говорит женский голос где-то недалеко от меня. В темноте обостряется обоняние и кажется, что тысячи ароматов в панике стремятся попасть в нос, пока не включится свет. – Пойдем отсюда, а? Мне страшно...

– Не ной! – одергивает другой, более уверенный голос. Где-то я уже слышал его.

Решаю немного пройтись. Осторожно отхожу от бара и двигаюсь в сторону столиков. В мыслях всплывает воспоминание о самом первом *таком* вечере, когда все происходящее казалось мне бредом сумасшедшего. Кто бы мог подумать, что вечеринки с масками, фальшивыми именами и выдуманной жизнью приведут в восторг наших знакомых и их друзей, а потом друзей их друзей... По мне, так это нововведение могло подпортить имидж клуба. Спал и видел, как «Манхэттен» называют местом для сборищ психопатов, а ведь наш клуб считается одним из самых популярных во всем городе. Но, черт возьми, эти *закрытые вечеринки* уже как полтора года пользуются колоссальным успехом среди *особых* гостей. Каждый находит здесь что-то свое, и я не исключение.

– И... Илона? Почему ты молчишь?

Голосок у девушки вздрагивает. Кажется, кто-то потерял *а* свою подружку.

– И... Илона? – шепчет незнакомка.

– Её здесь нет, – отвечает мужской. – Не переживай, я не

дам тебя в обиду.

Я не в силах сдержать смешок. Прочищаю горло, пытаюсь представить себе, как сильно пришлось поднапрячься парню, чтобы издать такой деланно низкий голос. Ну, разве не очевидно, что объект его внимания в данный момент находится в состоянии тревоги? Это его «я не дам тебя в обиду» только подтверждает существование некой опасности и, само собой, пугает новенькую еще сильнее, так почему бы просто не *подыграть* ей и сделать вид, что находишься в таком же положении, что и она? Беда ведь сближает людей. Сделай вид, что тебе тоже страшно, дружище!

Мой нос улавливает приятный запах: мягкий, женственный и такой нежный, что от наслаждения мои глаза закрываются. Чарующий шлейф проносится мимо, и чья-то холодная ладонь задевает мои пальцы. Только темнота способна настолько обострить все чувства, что даже малейшее и нечаянное касание побуждает разум взобраться на самый высокий трамплин и сигануть в бездонную пучину необузданных фантазий.

Кто она? Как её зовут? Жаль, что при знакомстве обязательно назовет мне фальшивое имя, потому что так того требуют дурацкие правила, которых я редко когда придерживаюсь. В имени есть все: настроение, характер, ощущения... Разве можно почувствовать все это, когда представляются какой-нибудь Джессикой или Красоткой Лесли?

Тихо следуя за невидимой нимфой, оставляющей позади

себя пленяющий аромат, похожий на темный шелк. Мне кажется, я трогаю его руками.

Очень скоро я действительно коснусь его. Буквально, через несколько минут.

1

За два месяца до этого...

– Офигенный аромат, – шепчет Миша мне на ухо. Тихонько вдыхает запах, коснувшись носом моей шеи и, когда неспешно отстраняется, блаженно закатывает глаза. – Фантастический. Похож на белую прозрачную вуаль.

– Дольче творит чудеса, – пожимаю я плечами. Тянусь за своим бокалом с шампанским и посылаю невесть кому полуулыбку.

Рано или поздно это произойдет. Зажгутся огни, выстроятся в ряд одинаковые автомобили с дурацким декором, заиграет торжественная музыка, а люди с цветами станут толкать все ту же заезженную речь о семейном счастье, благополучии и взаимопонимании. В этот день все они будут улыбаться, пить и тихонько радоваться, что наконец-то им удалось вылезти из своих серых будней и окунуться в яркую праздничную атмосферу за чужой счет.

А что будет со мной?

Пожалуй... С вытарашенными от ужаса глазами стану искать пути отступления. Задеру пышное платье, оголив дрожащие колени, и побегу сломя голову, куда глаза глядят. Как в том фильме с Джулией Робертс. А моя белая и невероятно длинная фата неспешно пролетит в воздухе и, в конце концов, изящно уляжется на зеленой скошенной траве, и эта

картинка станет заключительным кадром свадебного видео.

– Еще чуть больше месяца и мы, наконец, откроемся. Со следующей недели запускаем рекламу!

– Которой занимаюсь я! – не без гордости поясняет моя подруга Илона. Её ослепительная улыбка и глубокое декольте приковывают взгляды всех мужчин за нашим столиком. Сегодня она именинница, ей положено быть в центре внимания. – Будь спокоен, успех твоему кафе гарантирован!

– Даже и не думал переживать по этому поводу, – с улыбкой говорит Миша, бросив на меня мимолетный взгляд. – Ну, что, выпьем за именинницу!

Знаю, Миша очень беспокоится по поводу открытия студенческого кафе, о котором грезил последние два года. Сколько же раз он составлял бизнес-планы для различных проектов и уничтожал все, лишь потому что в миг переставал верить в реальность их существования.

– С Днем рождения, Илона!

Шампанское приятное, не слишком сладкое и навязчивое. Такое же будет на моей свадьбе?

О, Всемогущий, какая свадьба?! О ней речи-то даже не заходило, с чего вдруг эти пугающие мыслишки рождаются в моей голове? Быть может, предчувствие? В таком случае, дело – дрянь. Мое чутьё ещё никогда не подводило меня.

Мой аромат похож на белую полупрозрачную вуаль. Отличненько.

– Спасибо вам, дорогие мои! Так приятно, что все вы ме-

ня любите! Какой же прекрасный вечер! Давайте сфотографируемся?

Моя подруга Илона – жгучая брюнетка с копной густых длинных волос. Настоящая сердцеедка с ногами топ-модели, пышной грудью и сексуальной родинкой над верхней губой. Каждый раз, когда смотрю, как она умело флиртует с мужчинами, игриво улыбается и делает такой томный кошачий взгляд, от чего те готовы штабелями падать к её ногам, во мне просыпается странное чувство, сравнимое с тоской и даже обреченностью. Понимаю, что мне всего двадцать пять и, наверное, все самое интересное еще впереди, тем не менее, бывают минуты, когда ощущаю себя семидесятилетней старушкой, чьи молодые и безрассудные годы давным-давно остались позади. Иной раз хочу стать хотя бы на один день Илоной. Почувствовать такую раскованность и уверенность в себе, что смогла бы совершить *нечто*, от чего волосы бы дыбом встали. И, безусловно, в рамках приличия и закона. Например, татуировку набить... Даже самую малюсенькую.

– Ты не голодна? – тихонько спрашивает меня Миша.

– Нисколько, – отвечаю я и на сей раз тянусь к стакану с газированной водой. На его месте, я бы уже давно поинтересовалась, почему меня постоянно куда-то тянет, когда он только-только намеревается приблизиться. – Уже и запеченные овощи не лезут.

– Хочешь закажу тебе на десерт пирожное с трюфелем? Очень вкусное.

– Нет, спасибо. Не думаю, что настало время для десерта.

– Может, повторить твой «Цезарь»?

– Я не голодна, Миш, – с нажимом отвечаю я, упрямо взглянув на него. – Спасибо, я сыта.

– Ладно, – с улыбкой говорит он, продолжая смотреть на меня, – но если вдруг захочешь чего-нибудь – только скажи, хорошо?

Я лишь киваю, пряча лицо за широким сверкающим стаканом и сотнями газированных пузырьков. На долю секунды мой взгляд спотыкается о большие сверкающие глаза Илоны, что словно два полицейских, вечно подлавливают меня в ситуациях, когда мое раздражение готово вылезти наружу.

– Кстати, ты не забыла, что завтра вечером мы идем на выставку одного моего хорошего знакомого?

– Ты говоришь мне об этом каждый день на протяжении месяца, – с вымученной улыбкой тихо отвечаю я, – у меня и шанса не было забыть об этом *долгожданном* мероприятии.

Только бы не виноватый взгляд, пожалуйста!

О, Господь Всемогуший, ну за что?!

– Прости, солнышко, – шепчет Миша, опустив глаза, словно провинившийся котенок, – в последнее время ты много работаешь и мне кажется, что тебе совершенно не до меня. Ведь это не так, правда?

Бегло оглядываю наш столик и, убедившись, что каждый болтает о своем, заставляю себя с нежностью взглянуть на расстроившегося Мишу, что явно ждет от меня ответ.

– Милая, припудрим носик, а? – Илона подмигивает мне, чуть склонившись над столом. Моя спасительница! Я смущаюсь, заметив, как её коллега напротив, кажется, Витя, чуть приоткрыв рот, глядит на приспустившееся глубокое декольте черного платья с открытой спиной. Должно быть, аппетитная ложбинка между грудей сводит его с ума... Да настолько, что еще чуть-чуть и придется сунуть ему салфетку в руки, чтобы протер слюнявый рот. – Миш, выпусти свою красавицу, нам нужно в дамскую комнату. Не скучайте, мальчишки.

Илона не говорит, она как будто воркует. Плавные движения кистей и бедер, прямая осанка и легкие прикосновения пальцев к шее – все настолько гармонично и завораживающе, что я сама бы любовалась и любовалась ею. Эта девушка определенно постигла таинство женского обольщения.

В туалете мы поправляем макияж. Я обновляю бежевую помаду, а Илона – красную. Этот яркий оттенок демонстрирует *женскую* уверенность, внутреннюю силу и, несомненно, страсть. В общем то, чего я напрочь лишена.

– Как тебе вечер? – спрашивает она, разглядывая себя в зеркале.

– Замечательный. За другими столиками мужики глаз тебя не сводят. И это при том, что рядом сидят их девушки. Или супруги.

– А вдруг любовницы? Смотреть ведь не запрещено, – подмигивает она мне. – Единственный, кого я, как женщина, не интересую – твой Миша, – с нежной улыбкой добавляет

Илона. – Даже если бы голая прошла перед ним, он бы меня не заметил.

Если я скажу ей, что чрезвычайно огорчена по этому поводу, она покрутит пальцем у виска и скажет, что я чокнутая?

Поправляю несколько светлых прядей на висках и вытягиваю из высокого пучка шпильку, что больно впивается в кожу головы. И пока Илона наносит несколько капель легкого парфюма на запястья и шею, я все глубже погружаюсь в бездонную пучину собственных мыслей, где Миша, развалившись на кровати, игриво улыбается мне, когда я выхожу из душа в самой отвратительной пижаме, которая у меня только есть. Он говорит, что зря я её надела; стягивает с меня шорты, майку и, издав короткое, как ему кажется, возбуждающее рычание, толкает меня на кровать и принимается зацеловывать каждый участок моего тела. Если у поцелуев бывает вкус, например, клубничный, персиковый, шоколадный или какой-нибудь другой, то эти начисто его лишены. Они такие же безвкусные, как вода в бутылке. Но даже она бывает жесткой или мягкой, чего не скажешь об этих бессмысленных прикосновениях.

– И снова этот пустой и отрешенный взгляд, – комментирует Илона, склонив на бок голову. Наблюдает за мной, точно я маленькая мышка, не знающая, как пройти лабиринт. – В чем дело? В последнее время ты очень странная.

Пожимаю плечами и натягиваю улыбку:

– Все хорошо.

– А по-моему не очень. Такая милая, но лживая улыбочка у тебя, аж плюнуть хочется. – Немного помолчав, Илона делает шаг ко мне и тихо добавляет: – Врушка. Колись, в чем дело?

– Просто устала за сегодня, а шампанское и вовсе расслабило, – защищаюсь я, отпрянув назад. Что мне стоит сказать ей правду? Меня же никто не убьет за это, верно? Но вместо того, чтобы поделиться с подругой своими мыслями, что не дают мне покоя уже долгое время, нервно хмыкаю и предлагаю вернуться в зал, ведь нас, наверное, уже заждались. – Кстати, твой таинственный Роман не присоединится сегодня к нам? – интересуюсь я, когда мы выходим из дамской комнаты. – Решил проигнорировать день рождения своей девушки? Ох, если бы он только знал, как тебя поедают взглядами мужчины сейчас, мигом прилетел бы.

– Менять тему разговора ты – мастак, – хмыкает Илона. – Милая моя Каролина, тот самый Роман, с которым у меня *был роман*, переехал в другую страну. А отношения на расстоянии – мне не под силу. Да и желания нет этого делать.

– Серьезно?! – удивляюсь я, потянув её за руку. – И когда ты собиралась сказать мне об этом?

Илона хмыкает:

– Ты придаешь слишком большое значение всем моим романам. Будь проще. Я уже и позабыла об этом парне.

– Проще? Я думала у вас все серьезно! Сколько вы встре-

чались? Месяц? Два?

– Что-то типа того.

– *Что-то типа того*, – повторяю я, закатив глаза. – И ты так легко относишься к разрыву? Неважно сколько вы были вместе, все равно расставание тяжело дается.

Наверное. В книжках и фильмах, по крайней мере, так.

– Но не мне, милая. – Она игриво подмигивает, обходит меня и кивком зовет в центр зала, где танцуют несколько девушек в сверкающих платьях. – Просто, я еще не встретила того единственного, вот и все.

Илона по-кошачьи улыбается, загадочно опускает глаза, словно является хранительницей сокровенной тайны, а потом вновь глядит на меня мягким, но все же оценивающим взглядом. Как будто пытается удостовериться, под силу ли мне понять и сохранить заветный секрет.

– Пойдем, потанцуем? Красиво, чувственно и горячо. А то тут кривые брёвнышки качаются из стороны в сторону, – предлагает она, кивнув на нескольких девушек, танцующих в зале. – А если захочешь когда-нибудь поговорить со мной – бери бутылку мартини и приезжай.

Я усмехаюсь, поражаясь её умению все обыденное превращать в эротическую игру.

– Эй, милая, ты присоединишься ко мне? Я, конечно, могу сама, но ведь это так скучно, – воркует Илона, игриво подзывая к себе указательным пальцем. Она плавно двигает бедрами в такт музыке, и её облегающее платье нежно ласкает

светлую кожу. – Давай же, присоединяйся ко мне!

Уверена, Илона замечает, как за ней с интересом и нескрываемым восхищением наблюдают мужчины за круглым столом. Да будь я одним из них, тоже бы истекала слюной, серьезно!

Эта девушка невероятно целеустремленная и предприимчивая. В свои двадцать семь руководит целым рекламным отделом и продвигает на рынке самые известные компании в городе. Именно с её появлением рекламное агентство, что раньше ютилось на первом этаже пятиэтажного дома и состояло из трех человек, добилось столь колоссальных высот.

Странно, мы знакомы с ней почти десять лет и ни разу за эти годы у меня не возникало желания обсудить с ней мою личную жизнь. В популярном американском телесериале отношения и секс – главные темы для беседы подружек, а я же готова сквозь землю провалиться, когда только представляю себя на месте одной из них. О её увлечениях я всегда узнаю случайно, а не так, чтобы Илона целенаправленно пригласила меня в кафе и в деталях поведала о знакомстве с новым парнем, от которого теперь она без ума. А я же никогда не предоставляю ей возможности копнуть глубже в наши с Мишей отношения. Хотя, она и не пытается сделать это. Все, что мы позволяем знать другу другу, слишком расплывчато и неконкретно. И от этого я все чаще задаюсь вопросом – а правда ли мы с ней настоящие подруги, что могут поведать друг другу даже самые сокровенные тайны?

Вижу сбоку дырку. От частой стирки или просто от старости. Эту пижаму, что когда-то была нежно-бирюзового цвета, следовало выбросить еще четыре года назад, когда в свои двадцать один год я, судя по всему, находилась в воображаемом статусе подростка, и носила вещи с глупыми рисунками животных на нижнем белье. Ужас какой! Но меня умиляли курочки и утята на цветных трусах, воздушные белые облака на пижаме с широкими шортами и мордашки котят на топиках, заменяющих мне кружевные бюстгальтеры. Грудь у меня не большая, поэтому надобности в них я особой не видела. Ничего из вышеперечисленного у меня больше нет, кроме этой затертой, растянутой и лишенной цвета пижамы. Да я бы с радостью избавилась от нее хоть сейчас, ведь ящик комода с красивым бельем приходит в дикий ужас, когда я забрасываю в него это убожество. Так и слышу вопли шелка и кружев.

Мне не нравится то, что я вижу в зеркале и, конечно, я не в восторге от того, что делаю. Моя светлая кожа сливается с серо-белой тканью, покрытой катышками, шорты, свисающие почти до самых колен, съедают мои бедра, а майка, растянувшаяся настолько, что в нее запросто поместились бы еще три меня, жадно поедает талию и без того маленькую грудь. В этом одеянии я похожа на плоскую доску, поскольку

мое тело как будто напрочь лишено округлых женских прелестей.

Всякий раз, когда выхожу из душа в этой пижаме, надеюсь, что сегодня он *поговорит со мной*. Скажет, что ему осточертело все это, назовет меня, например, тупорылой идиоткой, не обращающей на него никакого внимания, на что я, безусловно, по-девичьи обижусь, начну истерить и выскажу, наконец, все, что так долго созревало во мне. Мне просто нужен повод и толчок, чтобы решиться на это, ведь сама я так и не найду в себе сил первой сделать этот шаг. Я самая трусливая трусиха из всех трусих на свете.

– И зачем ты её надела?

Как обычно, Миша вальяжно лежит на кровати, обняв мою подушку. Он наблюдает за мной, словно я в сексуальном белье, нарочно кружу перед ним, стараясь соблазнить. Но на самом деле, я всего лишь беру пульт от кондиционера с полки у двери и выставляю оптимальную температуру на всю ночь. Ничего сексуального.

– Правильно делаешь, сейчас будет очень жарко.

Я лишь кисло улыбаюсь. Его тон, предвкушающий горячие постельные утехы, раздражает меня. Глотаю злость и даже обиду на него, за то, что он абсолютно не обращает внимания на мою ленивую физиономию, которая явно намекает на нежелание заниматься сексом.

– Что-то я лишнего выпила. Прямо сил нет. А Илона сегодня блистала! Всех с ума свела.

Вручите мне премию за самую худшую отмазку от секса!

– Она как обычно в своем репертуаре. Вряд ли найдется мужик, которому понравится её вульгарное поведение. Поэтому-то у нее и никого нет.

Сажусь на край кровати и тянусь к баночке с кремом для рук.

– А что в её поведении такого *вульгарного*? По-моему, она ничего предосудительного не совершает.

– Да у нее же на лбу написано: «Трахните меня, хоть кто-нибудь»! – хмыкает Миша, почесав нос. – Честное слово, если бы не знал её так хорошо, то непременно решил, что она...

Поворачиваю к нему голову:

– *Что?*

– *Девушка*, которая любит спать со всеми подряд, – снисходительным тоном объясняет он. – Наряд этот уж слишком откровенный, согласишься. Знаешь, мне даже стыдно немного было за нее.

– Ты хотел назвать её по-другому, верно? – изгибаю я бровь. – Ты не прав, Миш. Илона живет так, как ей хочется. Она красивая девушка, ею восхищаются мужчины, что в этом плохого? И ничего подобного у нее на лбу не написано. Глупости говоришь всякие.

– Что, хочешь быть как она?

Да, хотя бы денечек.

– Все люди разные, – улыбаюсь я через силу, – и у каждого

своя изюминка. Такой, как Илона, мне никогда не быть.

И – о, боже, – как же грустно становится от этой мысли.

– И слава богу! Не хватало еще, чтобы ты полуголая в рестораны ходила. – Он громко и недовольно вздыхает, придвигаясь ко мне. – Кстати, а что ты наденешь завтра на выставку? Может, то черное облегающее платье с поясом?

– Боишься, что не понравлюсь очередному твоему знакомому? – с раздражением интересуюсь я. – Может, еще колготки за меня выберешь?

Миша хмурится, но его недовольство, к моему глубочайшему сожалению, длится лишь пару секунд. Он кладет ладонь на мое бедро и вздыхает так тяжело, что я невольно чувствую себя виноватой. Всегда так: хочешь не хочешь, а это чувство все равно расплзется в груди, точно вездесущие сорняки, стоит Мише только протяжно вздохнуть или сделать бровки домиком.

– Извини, – говорит он тихо, прильнув лицом к моему животу, – ты права, твой гардероб – не моего ума дело. Ты прекрасна даже в мешке с картошкой.

– Спасибо за комплимент, – сухо говорю я, поставив баночку с кремом обратно на тумбочку.

– Знаешь, что? Хватит пустых разговоров! Иди ко мне.

Мое тело стремительно покрывается камнем.

– Я устала. Хочу просто лечь спать, ладно?

Могла бы банально соврать про внезапно разболевшуюся голову, чтобы никоем образом не обидеть его, но это давно

перестало быть веской причиной для отсутствия секса в наших отношениях. Почему-то Мише кажется, что если даже у меня и болит голова, то его бесконечное ёрзанье на мне подействует, как обезболивающее.

– Значит сегодня ты будешь моим милым и сонным брёвнышком? – протягивает он, целуя мою поясницу.

По сути, эту роль я играю последние... Сколько? Года два-три? Хотя раньше и проявляла некоторую активность. Покупала красивое белье, зажигала свечи и старалась полностью погрузиться в процесс. Когда появлялось легкое томление внизу живота, я крепко хваталась за это приятное ощущение и почти не давала ему убежать от меня. Почти... К сожалению, оно всегда было слишком коротким и несколько однотипным. Словно я серфингист, вижу надвигающуюся волну, но никак не могу приблизиться к ней, чтобы встать на доску и покорить её.

– Я правда устала, – говорю без единой эмоции. – Пожалуйста, дай мне возможность отдохнуть, ладно?

И вновь этот тяжелый вздох, только на сей раз с нотками недовольства. Миша молча ложится на свою половину кровати, набрасывает на себя одеяло и принимается переключать каналы один за другим, полностью игнорируя мое присутствие. А мне так хочется, чтобы он, наконец, стукнул кулаком по столу и начал говорить со мной.

– Гляди, мясной рулет «Величественный». Уже само название нам подходит, а? – усмехается моя мама, изучая меню дорогого ресторана. Администратор рассказывает нам о самых популярных блюдах для банкета, а мне, если честно, абсолютно все равно, какая еда будет на столах в папин юбилей. – Кар, что скажешь?

– Я не ворона, мам.

Она улыбается мне и останавливает на женщине рядом с нами неловкий взгляд.

Ненавижу то, как комкают мое имя. В молодости моей маме казалось, что европейские имена несли в себе особое величие и статус, поэтому я и стала Каролиной, что в переводе с древнегерманского – королева. Иной раз боюсь представить, как бы родители назвали моего брата, если бы он был у меня. Какой-нибудь Карл, Чарльз или Теодор?

– У вас ведь будет развлекательная программа? Вы говорили об огненном шоу...

– Да, да! – перебивает её мама. – Два ведущих, музыка и танцы. Ребятам тоже нужно будет организовать столик.

– Конечно. Мы об этом позаботимся.

– Тогда, буду ждать от вас счет.

– Отправлю на электронную почту в течение двух дней, – улыбается женщина в белой рубашке. Интересно, у нее еще

не болят мышцы на лице от такой неестественной улыбки? – Может, повторить для вас кофе?

– Нет, спасибо. Нам уже пора ехать. Спасибо вам. – Когда женщина уходит, мама переводит на меня взгляд и вопросительно поднимает бровь: – Забросишь меня на мойку? Уже больше часа прошло, моя красавица должна быть чистенькой. Кстати, ты уже нашла себе наряд на папин юбилей?

– Я и не искала.

Глаза моей мамы лезут на лоб. Раньше её бурная реакция на самые обыкновенные вещи меня забавляла, а теперь, порядком, поднадоела, вызывая лишь раздражение.

– Ты серьезно? Каролина, об этом надо позаботиться, доченька! А что, если платье, которое тебе может понравиться, уже кто-то покупает? Прошу тебя, в самое ближайшее время отправься на поиски. Желательно, сегодня же.

– Не беспокойся, половую тряпку я на себя на надену. – Мы садимся в машину. Заслышав слова любимой песни, прибавляю громкость динамиков, но мама, в привычной себе манере, по-собственнически долбит пальцем по квадратной кнопке на центральной панели до тех пор, пока звук во все не исчезает. – Что ты делаешь?

– В последнее время с тобой что-то происходит, Каролина. В чем дело?

– Со мной все в порядке, – отвечаю я, закатив глаза. Именно с мамой эта привычка дает о себе знать. И, кстати, она её жутко раздражает. Намереваюсь вновь прибавить гром-

кость, но моя неугомонная пассажирка тут же кладет палец на кнопку, препятствуя мне. – Мама! В чем дело?

– Мне не нравится твое поведение, Каролина. Что это было несколько минут назад?

Сдержанно выдохнув, переключаю коробку передач и плавно направляю машину вперед, надеясь, что мама отстанет от меня, пока я вынуждена внимательно следить за дорогой. Но не тут то было!

– Никогда не называй себя вороной, поняла? Ты же знаешь, как меня выводит это. Мне становится неловко, особенно перед чужими людьми.

– Не я выбирала себе имя.

– Вы что, поругались с Мишей? Из-за этого ты такая вредная?

– Я просто хочу поскорее отвезти тебя на мойку и отправиться домой. Мне нужно многое переделать в проекте.

– Опять работа! Когда же ты уже одумаешься? В твои годы у меня уже был муж, ребенок, собственный дом!

– Ты – прекрасный пример для подражания.

Ненавижу говорить об этом. Ты должна быть *такой*, должна делать *это* и *то*, потому что так принято у нормальных людей.

– Ума не приложу, чего Миша тянет! Если через два года ваше положение не изменится, то ты будешь считаться старородящей! Если уже таковой не считаешься.

– Давай закроем тему, ладно?

– Конечно! У тебя ведь полно бессмысленной работы! Зачем вообще думать о будущем! Через пять лет тебе исполнится тридцать, думаешь, яйцеклетки живут вечно?

– Да, мам, именно так я и думаю.

– Каролина, да что с тобой такое?! Ты ведешь себя как ребенок! – взрывается она хлопнув ладонями по коленям. Я неотрывно смотрю на дорогу, изображая сосредоточенный вид, а моя мать тарашится на меня, как на какого-нибудь уродца. В детстве она так же хлопала глазами, когда я отказывалась принимать участие в школьных спектаклях. Она напрочь отказывалась принимать во внимание *мои* желания – кружок рисования, куда мне так хотелось попасть, мама сравнивала с бесполезным времяпрепровождением, от которого не было никакого толку. – Повзрослей же ты уже наконец! Оставь бессмысленную работу, посвети всю себя будущему мужу!

Глубоко вздыхаю и сжимаю челюсти так сильно, что слышу скрежет собственных зубов. У меня еще нет кольца на пальце, а в паспорте не стоит штамп, но такое чувство, что я уже пятнадцать лет в браке! Убедившись по зеркалам, что не создам аварийную ситуацию, резко сворачиваю в карман автобусной остановки и торможу так внезапно, что мама чудом не ударяется о панель.

– Каролина! Что же ты...

– Знаешь, чем ты занимаешься всю мою жизнь? – перебиваю я таким напряженным голосом, что в груди начина-

ет знакомо печь. Именно там запекаются лепешки горькой обиды на собственную мать. – Требуешь, приказываешь, настаиваешь и больше – ничего. А теперь, приказываю тебе я – выйди из машины.

– Каролина, в чем дело?

– Если ты сейчас же не выйдешь, я собственноручно вытащу тебя. Покинь мой автомобиль, мама.

Судя по её обалдевшему выражению лица, она не верит в происходящее. Да и я тоже, ведь до этой самой минуты я была тише воды и ниже травы.

2

– Я хочу обрезать волосы! – заявляет Мила, взглянув на каждого за круглым столом. – Сделать асимметричное каре.

– Какое каре?

Наш дед опускает круглые очки на глаза и внимательно оглядывает семнадцатилетнюю внучку, которой в очередной раз вздумалось свершить перемены в своей внешности.

Мила протяжно вздыхает и закатывает глаза, словно все мы тут такие балбесы, что не знаем самых обыкновенных вещей.

– Асимметричное, – поясняет она по слогам. – Когда одна сторона волос короче другой. А затылок как бы торчит. Дедуль, это модно сейчас.

– По-моему, муть какая-то.

Сестра пронзает меня недовольным взглядом и пихает ногой под столом:

– Сейчас так модно. Сам ты муть.

– Но у тебя же красивые волосы. Густые и длинные! С короткой стрижкой и причесок-то не сделаешь.

– Бабуль, это ведь прошлый век! Надоест ходить с короткими волосами, так я снова отращу.

– Как будто это минутное дело!

– Полгода назад ты умоляла меня оплатить какую-то завивку, а спустя несколько недель благодарила, что я так и не

разрешил тебе сделать барашку на голове.

– А помните, как она нарастила себе ногти размером с вилку? – забавляется дед, от чего Мила пыхтит, как паровоз. – Не могла даже глаз почесать. Как они там назывались?

– Акриловые, – бубнит она, поджав губы.

– Ох, вот же тебе влетело тогда от Максима. И от завуча.

– Я уже поплатилась за тот жуткий опыт, может хватит?

– Нет-нет, дорогая. Мы будем припоминать это всякий раз, когда тебе взбредет в голову очередная ерунда, вроде этого *асимметричного каре!*

– Я вообще-то не разрешения спрашивала, а ставила перед фактом, – говорит она мне, гордо вскинув подбородок. – Так что смирись, братец.

– У-у-у, запахло жареным, – протягивает дед и, поблагодарив бабушку за сытный обед, скрывается в гостиной, где его ждет занимательный кроссворд.

– Да что ты? Прямо-таки перед фактом поставила?

– Это мои волосы и я сделаю с ними что захочу! Не лезь хотя бы сюда!

Я лишь улыбаюсь, а Мила закипает от гнева. Мы редко ругаемся, но, как говорится, метко. Можем подколоть друг друга. Разыграть. Но, когда её упертая девичья глупость начинает действовать мне на нервы, во мне просыпается злой-старший-брат. Поэтому-то дед и скрылся в другой комнате, опасаясь, что эта идея с идиотской прической станет причиной масштабной катастрофы.

– Отличный аргумент. Станешь совершеннолетней – хоть на лысо побрейся, а волосы приклей к ногтям и косички заплети.

– Ты все время мной командуешь! И шага не даешь сделать. Я вообще лишена права выбора в этой семье! И не думаю, что мое совершеннолетие что-то изменит! Когда у меня появится парень, который сможет навалить тебе, я буду самым счастливым человеком на планете! Понял?!

– Ну, удачи в поисках, сестренка, – ухмыляюсь я, кивком показав бабуле, что все хорошо и волноваться насчет этой мелкой перепалки совершенно не стоит.

– А ты не будь таким самоуверенным. Твои навыки рукопашного боя еще ничего не значат! – бросает сестра, с грохотом задвинув свой стул. – Лучше *девками* своими командуй, а меня оставь в покое!

– Милочка, а чай с пирогом?

– Не хочу, бабуль, спасибо. Я на верх. Из-за этого козла начисто пропал аппетит!

Сестра уносится, словно смерч, а бабушка тяжело вздыхает. Молча ставит передо мной кружку, заварочный чайник и принимается разрезать ароматный пирог с ягодами.

– Ты все принимаешь близко к сердцу, бабуль. – С улыбкой смотрю на её бархатное лицо и замечаю в глазах излишнюю тревогу, отчего глубокие морщинки как будто приумножаются. Мне не нравится, когда Мила обзывается в присутствии наших стариков, поэтому за это свое словесное недер-

жание она еще поплатится. – Перестань. Побесится часик и успокоится, как обычно.

– Ей сложно жить с нами. Нам с дедом на двоих – сто сорок с лишним лет, а она девчонка молодая. Наденет какие-то джинсы с разорванными коленками и спрашивает, красивые они, или нет?

– А может, *зачетные*, или *фигня*?

– Вот-вот! Иной раз такое скажет, что нам приходится в Интернете значение слова искать, благо мы ходя бы знаем, что такое Интернет! – усмехается бабуля. – Она когда от тебя приезжает, то от счастья светится как новая лампа у деда в гараже. Тебе бы к себе в город забрать её.

– Я ведь не против, чтобы Мила у меня жила. По-моему, я всегда на этом настаивал. Она ведь сама не хочет.

– Думаю, все дело в нас с дедом. Мила боится, что мы обидимся, если она переедет к тебе.

Вообще-то, так и есть. Знаю, Мила хотела бы жить со мной в городе, где до торговых центров, кинотеатров и подружек рукой подать, но она не может представить, как оставит наших стариков одних. Когда остается у меня на пару дней, может раз пятьдесят позвонить им, чтобы узнать, как у них дела, все ли в доме работает, не поднялось ли у деда давление. Не вижу в этом ничего плохого, просто боюсь представить, что будет в следующем году, когда ей придется переехать в студенческий городок и жить в общежитии. Кстати, последнее меня порядком тревожит. Может, все же

удастся уломать её переехать ко мне.

– Конечно, нам будет скучно первое время, но ведь мы уже старые развалины, Макс. А Мила – молодая девчонка, ей надо развлекаться, встречаться с мальчиками, наслаждаться молодостью!

– Бабуль, ты с мальчиками повремени, пожалуйста. Ей еще восемнадцати нет. Она только школу заканчивает.

– Знаешь, а в этом я с ней, пожалуй, соглашусь. Ты от нее кавалеров будешь отгонять еще очень долго и совершеннолетие ничего не изменит.

Конечно буду. Она ведь моя младшая сестра и я отвечаю за нее. Стоит только подумать, как какой-нибудь сопляк будет жамкать её и делать... Все то, для чего она еще не доросла, у меня кулаки начинают гореть.

– Я хоть и старая, но знаю, что в молодости хочется многое попробовать. Максим, нашей Миле через четыре месяца будет восемнадцать. Эти беззаботные девичьи годы навсегда остаются в памяти, и как ты думаешь, что она будет вспоминать, когда ей исполнится лет тридцать? То, как старший брат контролировал каждый её шаг, не давая встречаться с мальчиками, – говорит бабушка, загнув указательный палец. – То, как задавал сотню вопросов, прежде, чем отпустить её с ночевкой к однокласснице. То, как на выпускном вечере в девятом классе, словно коршун, следил за каждым её движением во время танца в актовом зале, а потом отчитал сестру в такой важный для нее день.

– Тот пацан прижимался к ней, как ленивец к ветке! И слепой бы увидел.

– Максим, они же танцевали, – вздыхает бабушка, опустив плечи. – Это был школьный танец, который ребята репетировали. И если ты не помнишь, то на сцене было как минимум семь пар, а не одна наша Мила. Неужели ты не доверяешь ей?

– Я не доверяю другим.

– Тоже верно, – с улыбкой кивает бабушка. – Но наша Мила не такая глупая и беспомощная, какой ты её себе представляешь. Дай же ты ей немного свободы.

Моя сестра вовсе не глупая и уж точно не беспомощная. В случае опасной ситуации она знает, как и куда нужно нанести удар, чтобы выбить у противника почву из-под ног. Уж об этом я позаботился.

– Кстати, а про каких таких *девок* она говорила? – интересуется бабушка, подперев рукой подбородок.

– Миле как обычно лишь бы что-нибудь да ляпнуть.

Кладу в тарелку кусок пирога и тянусь за сахарницей. За эту свою болтливость сестрица еще поплатится.

– Моя внучка никогда не врет. Так что давай, рассказывай. У тебя, наконец, появилась девушка? Или их *несколько*? – уточняет бабушка, пытаясь скрыть животрепещущий интерес. – Ты не беспокойся за мою психику, я – дама современная.

Как бы грубо это не звучало, но моя бабуля уже слишком

стара для *таких* историй. Да и кому вообще в голову придет, обсуждать с родной бабушкой свою *глубоко-личную-жизнь*? Особенно такую, как у меня.

– Пирог вкусный. Как и всегда. Ты пакеты все разгрузила? Порошок стиральный тот привез?

Делаю вид, что недовольный женский вздох пролетает мимо моих ушей. Продолжаю восхищаться домашней выпечкой и громко зову деда на чай, лишь бы не дать бабуле возможности снова интересоваться тем, чем не следует.

– Так ты заберешь сегодня Милу? Или вы в контрах? – спрашивает дед, возвращаясь к нам.

– У нас билеты в кино на сегодняшней вечер. Она ждала этот фильм.

Допив чай, поднимаюсь на второй этаж. Комната моей сестры украшена гирляндой с большими круглыми огнями, что горят день и ночь и несомненно беспокоят деда. Он постоянно говорит, что они могут вспыхнуть. Повсюду плюшевые мишки разных цветов. Её самый любимый – тот, что размером с целое кресло. Последний подарок родителей.

Нахожу Милу на полу с телефоном в руках. Её ноги лежат на огромных мягких лапах, а под головой декоративная оранжевая подушка.

– А где же сумка с вещами? – оглядываюсь я. – Еще не собралась?

Она переводит на меня глаза, но продолжает что-то печатать:

– Я не поеду с тобой.

– Проведешь выходные с телефоном? А я билеты в кино купил.

– И без тебя могу сходить. Лучше возьми с собой одну из своих *одноразовых* девок.

Сдержанно вздыхаю и опускаюсь на пол. Пять лет стараюсь быть для нее братом, другом и тем, кто может совместить в себе заботу отца и любовь матери. Как называют такого человека, учитывая, что две последние роли до сих пор остаются для меня недостижимыми?

– Ты что, ревнуешь? – усмехаюсь я, поддев её плечо ногой.

– Делать мне больше нечего. Ты просто такой козел, Макс.

– С чего это? – улыбаюсь. Она такая забавная, когда обзывается. – Я ведь и обидеться могу. Кстати, сколько раз я просил тебя при наших не выражаться так?

– Друзья твои такие же, – бубнит Мила, не отрывая глаз от экрана телефона. – Если будешь продолжать в том же духе, то отупеешь окончательно. И как только девки ведутся на такое!

– Эй, балда, ты о чем говоришь вообще?

– О том, что дожидаться не могу, когда перееду в общежитие и буду жить *своей* жизнью! Делать, что захочу, ходить в кино, когда захочу и целоваться с тем, с кем захочу!

– Я что запрещаю тебе в кино ходить?

– Всегда *ты* выбираешь день и время, а не я. И знаешь, почему? Потому что мой выбор чудным образом постоянно

приходится именно на ту субботу, когда у тебя намечены эти чертовы *игрульки*. Вот бы разочек заглянуть за эту завесу и увидеть, каков ты по ту сторону. Фраер, наверное? Сидишь на диванчике с раскинутыми в стороны ногами и подзываешь к себе глупых девок, да? А они такие: ой, красавчик, я хочу тебя! Готова подарить всю себя только тебе! О, да! О, да! Даня с Кириллом такие же бабники? Да что я спрашиваю – конечно же это так! Фу! Мерзость да и только!

У Милы слишком переменчивое настроение и сложный характер. Надеюсь, со временем её упрямство и вредность сойдут на нет. Иной раз мне кажется, что я так и не смог научить её чему-то действительно важному. Не знаю, может все родители задумываются об этом, но ведь я-то – старший брат. На меня возложена немного иная миссия, разве нет?

Наша разница в возрасте – двенадцать лет, но иной раз мне кажется, что мы с ней одноклассники. Это чувство возникает, когда мы остаемся наедине, как сейчас. Она рассказывает мне об однокласснице, которая в тайне от родителей встречается с мужиком на десять лет старше себя уже полгода, а я при этом не стесняюсь назвать эту малолетку непристойным словечком. Мила может спросить меня о планах на вечер, и я спокойно скажу ей, что *возможно встречу с одной знакомой*, от чего сестра со скучающим видом закатывает глаза и выдает, мол, не забудь пополнить ящик в ванной с презервативами. Я понятия не имею, правильные ли у нас с ней отношения, так ли должно строиться общение брата с сестрой,

между которыми баррикады из двенадцати лет, но одно знаю точно – Мила – хорошая девочка и ни за что не наделает каких-нибудь глупостей. Я просто не доверяю другим людям, вот и все. Она – единственное, что осталось у меня.

– Поехали со мной? – перевожу я тему. – После фильма можем заехать в какой-нибудь ресторан. Ты ведь любишь пасту, – предлагаю я, снова щелкнув её по носу. – А вообще, можешь все свои вещи собрать и переехать ко мне. Прямо сейчас.

Холодный взгляд сестры заметно теплеет. Знаю, сейчас она снова думает о бабушке с дедушкой, и эти мысли превращают её раздражение в беспокойство.

– Ты ведь знаешь, что я не перееду, – слабо улыбается она, положив телефон на пол. – Специально так говоришь, чтобы тему сменить. Постоянно от меня закрываешься.

– Ты действительно так думаешь?

– Что ты закрываешься – да. – Смотрит на меня несколько секунд, потом с улыбкой закатывает глаза и поднимается на локтях: – Может, после фильма лучше заедем в ваш клуб? Сегодня пятница, там будут танцы, ди-джей... И от вашего «Цезаря» я в восторге.

– Туда пускают только с двадцати одного года, а тебе семнадцать.

– Да меня же там все знают! К тому же, этот клуб принадлежит моему самому любимому и лучшему брату на свете, – с деланной гордостью заявляет она. Переворачивается

на живот, прижимает подушку к груди и смотрит на меня щенячьими глазами. – Ну, пожа-а-алуйста. Я очень люблю танцевать. И сегодня у вас нет закрытой вечеринки!

– Мила...

– Максим, ну я ведь под твоим присмотром, как и всегда, – продолжает настаивать она. – Ко мне никто не подходит, потому что все знают, кто мой брат. Пожалуйста, я ведь всего лишь повеселиться хочу немного. Слопаю «Цезарь», полчаса попляшу и домой поедем. И не забывай, я так-то в обиде на тебя, если что.

По-видимому, мой протяжный вздох означает для Милы «да». Она резко подсакивает, сжимает меня в объятиях и начинает носиться по комнате в поисках дорожной сумки.

* * *

– Уломала, – констатирует Илья, поглядывая на танцплощадку, где веселится Мила.

– Ох, Макс, мне бы такого братика в мои семнадцать! – ухмыляется Зоя, наш администратор.

– Сказала, что не дождется, когда встретит парня, который мне навалает.

– Вот бы посмотреть на это зрелище!

– Спасибо, *друзья*, – усмехаюсь и разворачиваюсь лицом к подвыпившей-танцующей-толпе. Отыскав густую темную шевелюру и блестящую майку, позволяю себе взглянуть на

крайний столик, за которым сидят три блондинки. Две из них – шикарные длинноногие куколочки в коротких платьях, потягивают из трубочек холодный коктейль, но та, что сидит спиной, разительно отличается от своих подружек. Низенькая и пухленькая, с плохой осанкой, словно днем и ночью сидит перед компьютером. На ногах поношенные кроссовки «Адидас». Не удивлюсь, если она носит круглые очки, а на лбу у нее огромный прыщ.

– Та, что в клетчатой тунике, – предупредительным тоном, сообщает Зоя, явно проследив за моим взглядом, – известный в городе блогер. Кстати говоря, уж очень скандальные у нее ролики.

– Откуда знаешь?

– Да её многие знают! – ахает она. – И большинство недолюбливают.

Мы с Ильей хмыкаем.

– А эти красотки типа подружки что ли? – спрашивает он.

– Да откуда мне знать, кто эти девчонки? Я лишь говорю, что за три года существования клуба, этой дамочки здесь не было. Уж поверьте мне, я как-никак здесь почти каждого гостя встречаю. Если эта бестия вдруг пришла сюда, значит ей что-то надо.

– Может, она работу ищет? – спрашивает Илья, протянув мне стакан Колы со льдом.

– У нас нет свободных вакансий, а даже если бы и были, эта мадам не для нас. И, кстати, у нее армия подписчиков,

на своем канале рекламирует всякую хрень и поверь, у нее нет недостатка в деньгах. Ей нужно что-то другое.

– Эй, прекращай, – по-дружески толкаю её в плечо, – девочка повеселиться пришла, а ты тут драму разводишь. Выпей немного, проветришь.

– Бог мой, начальство хочет меня спoitь! Ладно, кавалер, – с издевкой говорит Зоя, хлопнув в ответку меня по плечу, – пошла я работу работать в отличие от некоторых. И много не пейте!

Пару минут слежу за танцами сестры в центре танцплощадки и пью холодную колу. В клубе, как всегда, оживленно. Повсюду разговоры, шум, оглушительная музыка и красивые девушки, извивающиеся, словно змейки. Все они – открытые книги. Ищут парней с кошельками, чтобы купили дорогую выпивку, неумело строят из себя недотрог, а уединившись в чьей-нибудь машине или даже в кабинке туалета, точно изголодавшиеся бешеные кошки, набрасываются на шею. Никакой интриги, пощипывающей сознание, никакой загадки для мозгов – лишь прозрачная шкатулка без замка.

– И что в этих блогах такого хорошего? – спрашивает Илья, склонившись на барную стойку. – Лучше бы книги читали, чем смотреть всякую муть.

– Ты читаешь?

– А то! Между прочим, заканчиваю очередной детектив про бабу, которую обвиняют в убийстве соседа, но она все отрицает.

– Как интересно, – фыркаю я, закатив глаза. – Лучше фильм посмотреть.

– Не любишь читать?

– Ненавижу.

– Даже блог Милы не читаешь? Я все спросить хочу, какой у нее ник в Instagram? Она ведь там выкладывает посты?

С раздражением гляжу на бармена, что намного больше меня по комплекции:

– Илья, она во-о-он там танцует. Подойдет – спросишь все у нее. Я не в курсе.

– С твоей то кошмарной щепетильностью ты не в курсе? – с удивлением спрашивает Илья. – Ничего себе! Следишь за ней как коршун, парней отгоняешь и все такое, зато совершенно не интересуешься её мыслями... Ух ты! Я в шоке.

– Заткнись. Даня с Кириллом здесь?

– Не-а, – отвечает Илья и принимает заказ от бородатого мужика в серой рубашке. – По-крайней мере я их не видел.

Вновь смотрю на танцплощадку. Вижу, как Мила весело подпевает «Ламбаде» Скриптонита, взмахивая руками над головой. И много ли для счастья надо?

Усмехаюсь сам себе и отчего-то снова перевожу глаза на сторбившуюся девчонку за столиком. Понятия не имею, почему пялюсь на нее, но знаю точно – мне она не нравится. И дело вовсе не во внешнем виде, который так и наталкивает на мысль о шибко умной и ответственной студентке, что ни разу за все время обучения не позволила себе пропустить

хотя бы одно занятие. Что это на ней? Потертые кроссовки и светлые джинсы с какими-то вышивками на икрах...

Словно чувствуя на себе мой взгляд, блондинка разворачивается на стуле и с вызовом глядит на меня. У меня даже времени не остается, чтобы взгляд увести, как девица поднимается с места и, не говоря ни слова своим подружкам, не обращая на нее никакого внимания, направляется в мою сторону.

И она действительно носит круглые очки в черной оправе!

– Привет, – здоровается она, сощутив глаза. Склоняет голову на бок и надувает губы. Так себе зрелище, я скажу.

– Привет, – кивком отвечаю я.

– Как дела?

Опускаю глаза на стакан колы в руках:

– Нормально, а у тебя?

Девчонка пожимает плечами:

– Так себе. Скучновато здесь, не находишь?

– Нет, не нахожу.

– Меня Ира зовут, кстати. Ну, ты, наверное, в курсе, – со смешком добавляет она. – А как тебя зовут?

Ей-богу, это самое странное знакомство в моей жизни.

– Максим.

– Мм, прикольно. Ты часто здесь бываешь?

О, мой, бог. Мила, скорее возвращайся, пожалуйста.

– Да.

– Наверное, потому что это – твой клуб, верно?

Перевожу на нее глаза и вижу, как тонкие губы расплзаются в безобразной улыбке. Какого черта Зоя пропустила её?

– Ладно, не парься, я же не арестовывать пришла тебя, – смеется она, похлопав меня по плечу, как будто мы с ней давние друзья. – Работа у меня такая – раскрывать секреты.

– Думаю, тебе нужно притормозить с коктейлями.

Странная девушка. Оценивает меня, изучает. И смешно, и не по себе одновременно. Она чуть ниже меня, похожа на воздушный шар. Напоминает заварное пирожное – пышное и чересчур сладкое. Наверняка эта мадам когда-то была строгим вожатым в лагере, или старостой в университете. Её выискивающий взгляд как будто расковыривает мое лицо гвоздями.

– Вот так *это* происходит? – С непониманием гляжу на нее. – Ой, да брось, ты ведь понял меня. Выискивающий взгляд, серьезное выражение лица – ты ищешь новых гостей на закрытую вечеринку, – констатирует она с пугающим восторгом.

– Вообще-то, слежу за сестрой, – ровным голосом говорю я.

– Она тоже принимает участие в *играх*? – с заметным отращением спрашивает девчонка. – Как-то мерзко звучит, не думаешь?

– Ира, верно? – с деланной улыбкой обращаюсь я. – Советую тебе вернуться к подругам. По-моему, они заскучали.

– Если вдруг ни одна из девиц тебе не приглянется, по-

дружески, отдай мне билетик, ладно? Моя скучная жизнь нуждается в бешеной встряске.

Девчонка склоняет голову, ожидая ответ. Не сводит с меня глаз и почти жует свои губы от волнения. Или от пугающего восторга, что попала в самый эпицентр событий. Сложно не заметить дикий интерес в её нагловатом взгляде, словно вот-вот и я подтвержу немыслимую теорию, что впоследствии сделает эту ненормальную известной на весь мир.

– Всего хорошего, Ира.

– Эй, Макс, – тут же зовет она, не дав мне сделать и двух шагов в сторону толпы. Что-то в её самоуверенном голосе настораживает, заставляя меня напрячься. – Знаешь, я большая любительница тайн и загадок. И *вашу* я непременно разгадаю.

3

Довольная, что дизайн частной стоматологической клиники пришелся по вкусу придирчивому заказчику, еду в магазин. Покупаю бутылку вина, сыр и коробку конфет, чтобы отметить удачно сданный проект. Это моя традиция.

Пока набирается ванна с пеной, проверяю электронную почту и просматриваю новости в социальных сетях. Миша звонил часа два назад и сообщил, что домой приедет поздно, поэтому к ужину его не стоит ждать. Эта новость улыбнула и, не теряя драгоценного времени, я решила посвятить эти несколько часов самой себе. Теперь вечер субботы превращается для меня в волшебную сказку.

Иногда я нуждаюсь в одиночестве. Порой представляю, что вольна делать все, что только вздумается: в выходные дни спать до двенадцати, ходить в кино даже на самые тупые фильмы, читать легкие женские романчики, что берут с собой в дальнюю дорогу, и веселиться в каком-нибудь клубе до тех пор, пока не оглохну от оглушающей музыки. Но вместо этого, меня таскают по театральным постановкам, выставкам идиотских картин и фильмам, в которых можно чему-то научиться! Так говорит Миша. Они с моей мамой спелись настолько, что порой я даже не вижу отличий в их мнениях, словах и убеждениях. Как бы жутко это не звучало, но Миша – моя мать, только с причиндалом между ног.

Захватив с собой махровый халат и белье, закрываюсь в ванной. Свечи с ароматом белого шоколада и ванили так успокаивают, что кажется, будто нет ничего прекраснее на свете, чем эти волшебные минуты спокойствия. Порой для счастья много и не нужно, лишь приятное благоухание, теплая вода и прекрасная тишина. Сбрасываю халат на пол и закручиваю волосы в высоком пучке.

– Кар, ты где?

Моя сказка в миг испаряется.

– Ка-а-р?

– Я не ворона, черт возьми! – громко огрызаюсь, потуже завязав халат. Распахиваю дверь и вижу довольного Мишу с расстегнутыми джинсами. – Ты же сказал, что будешь поздно!

У – упрек, черт возьми.

– А ты что, прячешь от меня любовника? – забавляется он, приблизившись ко мне. – Ты не рада?

Отступаю назад, не дав ему возможности прикоснуться к моему лицу. Миша заглядывает в ванную комнату и его губы тут же расплзаются в блаженной улыбке, как будто эту сказку я для него готовила.

– Пена, свечи, – комментирует он, намереваясь поцеловать меня, – я с радостью присоединюсь к тебе, солнышко.

– Не стоит.

Упираюсь руками о его грудь, чувствуя усиливающееся желание бежать, куда глаза глядят. В противном случае, я

просто взорвусь.

– Кар, ну, чего ты, крошка? Я так соскучился по тебе.

– Черт возьми, прекрати же это! – выкрикиваю я, с силой оттолкнув его от себя. Даже меня собственный крик пугает не на шутку, а что уж говорить о Мише, в изумлении следящим за каждым движением моего лица. – Хватит! У меня есть имя, перестань каркать, пожалуйста! Я – Каролина! Каро-ли-на! – по слогам повторяю я.

– У тебя что, предменструальный синдром? Сначала на маму налетела, а теперь на меня?

– Она тебе уже пожаловалась? – Не могу сдержать нервный смешок, ибо происходящее поражает. Мы не созванивались с ней несколько дней и за это время она успела пожаловаться Мише и явно наговорить ему не бог весть что. – Ты что, снова шушукался с ней за моей спиной?

– Что значит, за твоей спиной? Мы оба не чужие тебе люди, Кар... Каролина. Чего ты завелась так? Я пришел домой раньше, соскучился по тебе...

– Да ничего, Миш! Мне осточертело, что всякий раз, когда мы ругаемся с тобой, либо я с мамой, вы оба тут же начинаете обсуждать это, как какие-нибудь подружки! И каждый раз виноватой делаете меня, а на себя и взглянуть не желаете!

– Боже, она просто переживает за тебя вот и все!

– Нет, она переживает лишь за то, чтобы я не стала старородящей женщиной, ведь это, черт возьми, так унинительно!

И вовсе не для меня, а для нее самой!

– Ладно, – сдержанно вздыхает он, – давай успокоимся. Не стоит так истерить без причины. Пойдем я сделаю тебе массаж, ты расслабишься и мгновенно придешь в себя.

– Да не хочу я эти чертовы массажи! – тут же выпаливаю я. – Не хочу ходить по идиотским выставкам не пойми чего! Не хочу делать то, что хотите *вы*! Ты сказал, что придешь поздно, какого черта вернулся сейчас?!

– Спасибо тебе, родная, вижу как ты ждала меня, аж умирала!

– Я не ждала тебя, – говорю медленно, стараясь успокоить ураган внутри. Однако, стоит только взглянуть на Мишу, перед глазами тут же возникает вездесущая мать, старая пижама, скучный секс, что давно превратился в пустую трагедию времени и просто механическое телодвижение. И от этого буря ненависти во мне лишь усиливается. – Я вообще не хотела, чтобы ты приходил. Представь себе, у меня были планы на саму же себя! Удивительно правда? Наверное, невысказанно осознавать, что я сама чего-то хочу, что-то планирую и о чем-то мечтаю, верно? Так вот, я хочу принять ванну и выпить вино, потому что, наконец, сдала проект, над которым работала три месяца. А потом, пойти потанцевать, чтобы громкая музыка, которую ты так ненавидишь, стучала во всем моем теле! Чтобы прямо вот здесь в груди вибрировало от тяжелых «тыщ-тыщ-тыщ». Вот так я хочу провести сегодняшний вечер и ночь! Без тебя. Без мамы. И без ваших

«делай это, делай то».

– А я и представить не мог, как хреново тебе живется! – фыркает Миша, проведя рукой по своей пышной (жуткой!) челке. Так хочется схватить ножницы и срезать этот «модный кошмар». – Ладно, без проблем, Кар! Кар. Ка-а-р! Кар! Кар!

– Какой же ты идиот!

– Кар! Кар! Кар! – продолжает кричать он, точно избалованный ребенок. – Значит вот, что с тобой в последнее время происходит?! Хочешь веселиться и заниматься бессмысленной ерундой, от которой я тебя бережно отгораживаю? Как эта твоя подружка, что вечно выставляет напоказ свои сиськи?

– *Эта моя подружка* занимается продвижением твоего кафе! И сиськи у нее – что надо! Были бы у меня такие, я бы тоже с радостью их демонстрировала! Даже лифчики бы не носила, чтобы всем вокруг мои торчащие соски глаза резали!

– Знаешь что, – вскинув подбородок, заявляет Миша, – а делай, что хочешь! Пей, купайся, веселись! Шатайся вместе со своей подружкой по местам для отбросов общества – мне все равно. Посмотрим, как долго ты проживешь в этой убогой среде.

– Боже мой, я и подумать не могла, что желания так быстро сбываются!

– Твоя мама права, ты еще такой ребенок! В двадцать пять лет и понятия не имеешь, что значит быть благодарной. Все о

тебе заботятся, лелеют, а ты только и знаешь, что вредничать. *Каролина, скушай это – не хочу! Каролина, выбирай удобную обувь, а не жуткие каблукы, от которых осанка портится – НЕ БУДУ!* Ты – вредина, что отказывается понимать, как ей повезло с заботой родных и близких!

– Не твоего ума дело, какую обувь и одежду мне носить! Хочу каблукы – будут у меня каблукы! И плевать, болят от них ноги или нет, я женщина, черт возьми! Это тебя не касается!

– Да пошла ты! – отмахивается он и разворачивается на пятках. – Дура!

– Знаешь, ты прав. Я действительно дура, которая никак решиться не могла высказать все, что накипело, раньше сегодняшнего вечера! Все! Я устала от этих отношений, Миша! Конец! The end! Финиш!

Миша разворачивается и оглядывает меня ненавистным взглядом:

– Елена Владимировна будет в шоке.

– Вот и отлично! Беги к своей *подружке*, раз вам вдвоем так хорошо!

– Это твоя мама! Как ты смеешь говорить такое?

– А что я сказала? – хмыкаю я, расставив руки в боки. – Моя мама – твоя подружка. А ты – её подружка. Вы *обе* – лучшие подружки!

– Идиотка! Видеть тебя не могу особенно в этих лохмотьях, что ты постоянно напяливаешь на себя! – бросает он,

направляясь в спальню. – Нормальные женщины ждут своего мужчину, готовят сюрпризы, стараются угодить, а у тебя в голове, словно абсолютно противоположная программа установлена! Ты – бревно, Каролина! Которое не шевельнется, даже если цунами пронесется!

– Прямо стихами заговорил!

– Я как будто с куклой резиновой трахаюсь, у которой ни эмоций ни чувств нет!

– Представляешь, именно так я себя и чувствую, – с деланной улыбкой говорю я, наблюдая за его *сборами*.

– Серьезно? А знаешь, что? – его губы растягиваются в злой улыбке. – Ты *испорченная* резиновая кукла. С дефектом! И вообще, ты сама какая-то ненормальная. И теперь я понимаю, почему твоя мама иной раз *так* шутит, – хмыкает Миша, доставая вещи из шкафа. – Может, тебя действительно перепутали в роддоме с другим ребенком.

В кончиках пальцев неприятно кольнуло. А еще в груди. В животе. Забарабанило в висках.

Я не заплачу. Ни за что не заплачу, ведь не пройдет и двух часов, как о моем состоянии узнает мать. Ни за что не дам этим двоим очередной повод для обсуждения. Собственная мать считает меня чужим ребенком. Она *шутит* по этому поводу... Шутит, черт возьми! Интересно, как это происходит?

Они с Мишей сидят на веранде, пьют крепкий кофе и как бы невзначай, мама спрашивает:

«Как ведет себя Каролина?»

«Нормально».

«Ох, Миша, что значит *нормально*?»

«Все чаще в постели она играет роль бревна. Простите за столь интимные подробности».

«Мишенька, ты не должен извиняться. Правильно делаешь, что доверяешь мне такие тайны. И почему же она *бревно*, как ты думаешь?»

«Ох, Елена Владимировна, у меня, к сожалению, нет ответа на этот вопрос. Я пылинки с нее сдуваю, а она такое *бревно*».

«Ах-ха-ха! Я все чаще склоняюсь к тому, что *эту* Каролину перепутали в роддоме с моей родной дочерью!»

«Ах-ха-ха! Елена Владимировна, да вы такая шутница!»

Разворачиваюсь на пятках и пулей залетаю в ванную комнату. Прежде, чем захлопнуть дверь, громко и четко поясняю:

– Когда я выйду из ванной, тебя здесь быть уже не должно. Прощай, Миша.

Разве сложно было сказать эти слова раньше? Они ведь так легко мне даются.

4

– Максим, не нужно было так тратиться! – в сотый раз повторяет бабушка, прижимая ладони к груди. Пока я вскрываю коробку, она все ахает и кружит вокруг меня, а Мила жадно поглощает эклеры возле холодильника. – Можно было старый уют в ремонт отвезти, вдруг починили бы его?

– А не проще ли новый взять? – улыбаюсь я, протягивая ей инструкцию и какие-то мешочки. Внутри полно всяких насадок и щеточек. – Самый крутой выбрал.

– Ой, ну все-е-е, твоя подружка через дорогу лопнет от зависти, – хмыкает дед, сев на кресло-качалку. – Мила, дочка, у тебя место одно не слипнется? Ты что, с голодного края?

– Если бы кто-то не торчал полтора часа в магазине техники и вовремя приехал за мной после школы, я бы не проголодалась, как волк! – отвечает она, пронзив меня недовольным взглядом. – Ты даже не позвонил мне.

– Я же сказал, телефон в машине оставил и не думал, что задержусь настолько! Время в магазине летит незаметно, тебе ли не знать.

– Последний раз у меня шоппинг был месяца четыре назад, поэтому я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь!

– Ну, прости, – уже в десятый раз извиняюсь, а она все никак успокоиться не может. Обращаюсь к бабушке: – Где

старый утюг?

– Нет, нет! Я тебе его не отдам! Дед починит, или в ремонт отвезем.

Поднимаюсь и упрямо гляжу на нее. Ненавижу эту манию к собирательству сломанных и уже ненужных вещей.

– Давай сюда.

Бабушка отрицательно качает головой, а Мила брякает с набитым ртом:

– Сейчас принесу!

– Хоть какая-то от тебя польза.

– Эй! Я все слышу!

Мы улыбаемся друг другу, и Мила скрывается за лестницей. Порой, мы можем работать в одной команде.

– Максим, дед починит его.

– Делать мне больше нечего, – бубнит старик, раскачиваясь в кресле. Он уже внимательно читает какую-то бумажку от нового утюга. Ему неважно, что читать.

– Всегда ты так, Максим. Все выбрасываешь, что плохо лежит, – говорит бабушка, осторожно вертя в руках какие-то щеточки. – Твой отец был точно таким же. Как-то раз целый шкаф со старой одеждой вышвырнул, потому что ею никто не пользовался. А ведь можно было отдать нуждающимся. Гляди, это, наверное, для чистки, да?

Мила приносит старый утюг, напомнив мне нашу маму. Все, о чем бы папа не просил её, мама безоговорочно выполняла. Даже понимала его без слов, как Мила меня сейчас.

– Макс, слушай, сегодня я останусь с ночевкой у Даши. Ты отвезешь меня?

– Сегодня? – удивляюсь я, взглянув на сестру. Возможно Мила не замечает этого за собой, но уж я то точно знаю: когда её карие глаза смотрят на меня слишком внимательно, да еще и губы кривятся в такой странной улыбочке, стоит ожидать какого-нибудь подвоха. – А что вдруг случилось?

– Будем набрасывать темы для школьной газеты, – без раздумий выпаливает она.

– Почему раньше не сказала?

– А разве у нас были планы на вечер? – шепотом подмечает она. – Ты же сегодня *занят*.

– Её родители будут дома?

– Ма-а-акс! – протягивает Мила, сложив руки на груди. – В понедельник мы раздаем темы для материалов, а кроме заезженной проблемы о школьной столовой и убогом разнообразии блюд у нас ничего нет!

– Кому это надо вообще? – хмыкаю я, стараясь понять, что же скрывают её бегающие туда-сюда глаза. Или я опять придираюсь? – Разве эти ваши газеты кто-то читает?

– Балбесы, как ты, вообще не знают, что это такое! – огрызается она, недовольно уставившись на меня. – При поступлении в университет моя работа в школьной газете будет учитываться. Это будет еще одним плюсиком.

– А второй какой?

– Мой блог! – ахает она, таращась на меня. – Я пишу

о школьной жизни, о придурках-одноклассниках и делюсь бесценным опытом с девочками, у которых есть такие же противные старшие братья, которые бесстыдным образом контролируют каждый их шаг!

– Снимай видео-блоги и быть может тогда, ты, наконец, обретешь популярность. Сейчас в моде картинки, а не тексты.

– Когда-нибудь мой блог будут читать все женщины города! Я стану известной журналисткой и тогда, ты поцелуешь мой знаменитый зад!

– Надеюсь, я к тому времени еще не превращусь в старика с тросточкой.

Лицо Милы искажает недовольная гримаса.

– Ты отвезешь меня к Даше, Макс?

– Ладно, – неуверенно киваю я. Внутреннее чутье подсказывает мне, что эта девчонка что-то задумала. Или опять я придираюсь? – Так её родители дома будут?

Мила недовольно поджимает губы и разворачивается к деду. Достает из заднего кармана сторублевою купюру и вручает ему.

– А я говорил тебе, Милочка, что так и будет, – с издевкой говорит ей дед и забирает деньги. – Максим всегда задает слишком много вопросов.

Меня накрывает громкий смех, когда Мила снова поворачивается ко мне и пускает огненные стрелы из глаз.

– Чего ржешь? Не мог по-другому ответить? Сложно что

ли сказать, да, любимая сестренка, отвезу тебя к подружке и делайте что хотите!

– Стыдоба-то какая! Дед у внучки деньги забирает! – подначивает бабушка, неодобрительно покачав головой.

– Не преувеличивай. Спор есть спор, – киваю я, подмигнув деду. – Проигравший платит.

– Ты-то у нас *эксперт* по части споров и всяких игр, да? – ехидничает Мила. – Так отвезешь меня? – Выжидающе гляжу на нее. Если честно, иной раз быть в роли строгого-старшего-брата уж очень занимательно. – Господи, да! Родители Даши будут дома! И мы уже заказали пиццу в «Американ Хот»! Может, адрес пиццерии назвать тебе и время доставки?

– Да отвезет он тебя, куда денется! – подключается бабушка. – Но Максим, наверное, рассчитывал, что ты сегодня у него останешься, как и всегда.

– Да уж конечно, – бубнит Мила, стрельнув в меня насмешливым взглядом, – у него сегодня *закрытое мероприятие* в клубе. И он просто *обязан* там быть.

– Снова у кого-то праздник? – улыбается мне бабушка.

Перевожу глаза на сестру, что демонстративно медленно складывает руки на груди и глядит на меня с победной улыбкой, мол, *давай, выкручивайся*.

– Да. Ничего особенного. – И прежде, чем Мила снова попытается что-то ляпнуть, я вплотную подхожу к ней и с улыбкой добавляю: – Собирай вещи. Через пятнадцать ми-

нут выезжаем.

– Теперь ты меня жди, братец, я есть хочу, – говорит она, подтолкнув меня плечом. Достает из холодильника упаковку йогурта, молочный батончик и вытягивает из подставки чайную ложку.

Мы втроем переглядываемся и, не скрывая улыбки, наблюдаем за её обжорством. Должно быть, действительно проголодалась, пока ждала меня.

– Что? – спрашивает Мила, оглядев нас.

Дед пожимает плечами, бабушка криво улыбается, а я свои глаза в кучу и за всех отвечаю:

– Не лопнешь? Уже джинсы по швам расходятся.

– Сейчас у тебя что-нибудь разойдется! – рывкает она. – В столовой кормят отвратительно! Я ненавижу морковь, капусту и печень. Уже неделю ничего кроме этого не дают.

– Мм, печень, – забавляюсь я, нарочно облизав губы. Вообще-то, я тоже её ненавижу, но ради мелкого издевательства стоит притвориться. – Надо будет приготовить её завтра и накормить тебя.

– Козел.

– Мила! – восклицает бабушка. – Сколько раз можно говорить?

– Я его полтора часа ждала! Уже вахтерша смену закончила, а я все сидела в пустом коридоре и с пустым желудком. Даже булочек в столовой не было!

– Ну, все-все, я понял, что плохой. – Подхожу к ней и за-

ключаю в объятия. Когда чувствую, что её напряжение постепенно уходит, сжимаю крепче и начинаю чесать темную макушку костяшками пальцев. Мила дергается, вырывается и верещит, как поросенок.

– Детский сад! – говорит бабушка, поставив руки в боки. – Максим!

– Козел! Отпусти меня! Пож-ж-жа-а-а-алуйста! Хва-а-атит!

Люблю слушать её смех. Когда Мила была совсем маленькой, я подходил к качающемуся креслу, где она сидела как мышка, и называл пирожком. Щипал за пухлые щечки и изображал всякие рожицы, а она закатывалась в таком смехе, что потом начинала икать. Я чувствовал себя самым крутым старшим братом. А сейчас, почему-то, редко когда могу назвать себя таким.

– Балда ты, Макс, – говорит она мне, опустив глаза на испачканный йогуртом пол. – Будешь продолжать в том же духе, не сделаю себе татушку на шее.

– Мы ведь договорились! – с фальшивым беспокойством восклицаю я.

– Ну, не знаю. Иной раз ты такой противный. Боюсь, что к тому моменту, когда мне исполнится восемнадцать, а это, смею напомнить, будет через четыре месяца, ты так надоешь мне, что я точно откажусь от этой глупой затеи.

Ага, как же!

– Эй! – Поворачиваюсь к ней левым боком и указываю на

свою тату на шее. – Это – ты для меня. Ты – мой *пульс*. И я должен у тебя быть. Мы ведь обещали друг другу.

Мила закатывает глаза и делает вид, что раздумывает.

– Вижу для тебя это очень важно, да? – серьезным тоном спрашивает она. Вот же актриса!

– Еще как, – подыгрываю я.

– Ладно. Может, тогда не будем ждать моего совершеннолетия? Поедем на неделе и нарисуем мне *твой пульс*, м? А то серьезно, ну достал уже своими приколами и вечными придирками. Могу и передумать.

Глубоко вздыхаю и опускаю глаза. Изображаю задумчивость.

– Мм, так ты согласен?

Слабо киваю, словно взвешиваю все «за» и «против»:

– Набить тебе татушку до совершеннолетия?

– Угу. – Вижу, как засветились её глаза. Слишком плохо Мила скрывает свои коварные мыслишки. – Ты ведь взрослый, с твоего согласия мне нарисуют что угодно.

– Тогда ты будешь самой крутой в классе, – говорю я с деланной серьезностью. – Считай: тебе семнадцать, ты в одиннадцатом классе и у тебя татуха на шее. Все станут завидовать.

– Ой, при чем здесь это! Все ведь для тебя. То есть, это *значимо* для нас.

– Мм...

– Ну, так сделаем?

Улыбаюсь ей и притягиваю к себе. Целую макушку и шепотом говорю:

– Ни. За. Что. Только после совершеннолетия.

Она тут же отталкивает меня и протяжно рычит. А дед громко хлопает в ладоши и поднимает над головой кулаки:

– Есть! Давай, Мила, как вы там говорите... *Гони* еще одну сотку!

* * *

Мне все не дает покоя её бегающий взгляд. Обычно трещит не умолкая, пока мы едем в город, а тут вдруг молчит, словно мышка. Украдкой поглядываю на нее: прижала к себе дорожную полупустую сумку, задумчиво смотрит в окно...

– Мила, в чем дело?

Поворачивает ко мне голову и часто хлопает ресницами.

– А в чем дело?

– Это я и пытаюсь выяснить. Ты что-то задумала?

– Пф! Что за глупости? – отмахивается она. Лицо заметно порозовело. – Просто думаю о всяком вот и все.

– О чем именно?

– О всяком.

– Ну, о чем конкретно?

Наконец-то, знакомое недовольство!

– Знаешь, иной раз я благодарю бога, что хотя бы мои мысли остаются вне твоих знаний! Иначе бы застрелилась!

– Не преувеличивай, – усмехаюсь я, переключив песню.

– Зачем?! Оставь! Это же Black Vacardi! Я её обожаю!

Возвращаю песню назад и Мила тут же начинает подпевать музыкальной группе.

– Можно вопрос? – вдруг спрашивает она.

– Валяй.

– А у меня когда-нибудь появится золотой билетик?

– Лучше продолжай петь.

– Макс! Тебе сложно ответить что ли?

Сворачиваю в узкий двор цветных многоэтажек, где живет одноклассница Милы. У третьего подъезда останавливаю автомобиль, убавляю звук динамиков и поворачиваюсь к сестре.

– Как долго еще мне выслушивать все это?

– Что – «все это»? – озадаченно спрашивает Мила.

– Не строй из себя дурочку, ладно? Мне осточертело выглядеть идиотом на глазах у бабушки, когда тебе вдруг приходит в голову сказать ей какую-нибудь хрень. Хватит уже говорить об этом, ясно? Не твоего ума дело, что творится в моей личной жизни!

– Поправочка: у тебя нет никакой личной жизни, – вставляет она, махнув указательным пальцем перед моим лицом.

– Повторяю, это не твоего ума дело, Мила, – строго говорю я. – Прекрати строить из себя глупую девчонку!

– А ты перестань вести себя, как идиот! – огрызается Мила. – И это – еще как мое дело! Я просто хочу понять, какой

ты там! Что в этих чертовых субботах такого интересного?

– Попридержи язык. Мне двадцать девять лет и я вправе делать то, что посчитаю нужным. А ты ведешь себя, как ребенок, хотя пора бы уже повзрослеть!

– Знаешь, сложно как-то быть взрослой и самостоятельной, когда каждый твой шаг контролируется козлом, у которого не жизнь, а какое-то дерьмо! И у друзей твоих жизнь сущее дерьмо!

– Мила...

– Знаешь, как я объясняю все это? На тебя одного свалилось слишком много людей, о которых нужно заботиться. Ты не был готов к такому. И единственное отвлечение от столь изнурительной работы – субботний вечер раз в месяц, верно?

Несколько секунд Мила смотрит на меня, ожидая ответа, а я и слова не могу вымолвить. Как будто языка лишился за эти несколько секунд. Молча наблюдаю, как она небрежно надевает вязаную шапку и накручивает на руку ремешок дорожной сумки. Если не скажу ей что-нибудь в ответ, она решит, что абсолютно права, а мое молчание тому доказательство.

– Просто ответь мне сейчас, – говорит она тихо, опустив голову. – У меня когда-нибудь будет возможность получить золотой билет? Ты когда-нибудь сможешь показать мне свою *другую* жизнь?

О закрытых вечеринках Мила узнала случайно. Есть у нее

способность появляться в ненужном месте и в не лучшее время. И, пожалуй, если она все-таки свяжет свою жизнь с журналистикой, то это ей пойдет только на пользу – будет хватать сенсацию за хвост.

– Мила, зачем тебе это? – спрашиваю я, коснувшись её руки. – Пожалуйста, выброси из головы этот мусор, ладно? Это обыкновенные вечеринки с выпивкой, разговорами, танцами...

– И девками, готовыми на что угодно, – усмехается она.

На губах появляется слабая улыбка, но вместе с тем несколько угрожающая. Что-то незнакомое промелькнуло в задумчивом взгляде сестры, заставив меня напрячься.

– Ладно, Макс, я пойду, – говорит она, продолжая задумчиво улыбаться. – Хорошего тебе вечера.

5

Кажется, это ненормально. Моя личная жизнь, подобно снежной лавине, безвозвратно обрушилась с высокой горы, а я спокойно попиваю мартини с апельсиновым соком и не понимаю, какого черта надела на себя облегающее черное платье с высоким воротником. Хотя, это своего рода траур, а в такие случаи принято быть в черном. Пожалуй, я все делаю правильно.

Квартира Илоны выполнена в светлых тонах, оттого и кажется просторной. Сверкающий кремовый кафель, кожаный белый диван и глянцевая барная стойка, отделяющая зону кухни от гостиной. Здесь напрочь отсутствует ощущение домашнего уюта, зато чувства прекрасной жизни хоть отбавляй.

– Нравится мне у тебя, – говорю я, закинув ноги на диван. Сижу, как королева, попивающая дорогой напиток. Не хватает только слуг, массирующих ступни. – Так легко и свободно.

Шелковый шлейф длинного халата плавно следует за своей хозяйкой. В собственном доме Илона выглядит настоящей царицей, точно, Клеопатра, изо дня в день купающаяся в молоке. Разве может обыкновенная женщина быть дома такой красивой? А где же неряшливый пучок на голове, размазанная тушь и растянутая футболка?

– Удивительно, – вырывается у меня. – Как ты... Как ты делаешь это?

– Что делаю? – усмехается Илона, сев на другом конце дивана.

– Знаешь, обыкновенная женщина, возвращаясь с работы домой, закалывает волосы, надевает домашний халат и принимается готовить ужин, слушая какую-нибудь передачу, где политики орут друг на друга не переставая. А ты же... Включаешь расслабляющую музыку, надеваешь, наверняка, самый дорогой халат в мире и потягиваешь легкий коктейль. У тебя вообще бывает хотя бы голова грязной когда-нибудь?

Илона начинает смеяться и клянусь богом, я в жизни не слышала чтобы она хохотала так громко.

– Удивительно, что у такой непревзойденной девушки нет парня! Ты ведь королева, черт возьми!

– Нужно любить себя, – с улыбкой говорит она, проигнорировав мои слова, – и делать все, чтобы тело, душа и разум были довольны.

Серьезно, почему у нее нет парня?

– Как-то эгоистично звучит, – хмыкаю я, потягивая martini.

– А разве не эгоистично жить с человеком, которого не любишь, но при этом внушать ему свою *якобы* любовь? Или не говорить ему правду, только потому что боишься обидеть? По-моему, это не есть хорошо. Ни для кого. Каждый должен быть счастливым. Прямо как ты сейчас.

– О, ну да, счастье так и прет со всех щелей!

– Я бы могла сказать что-нибудь эдакое на твои слова, но, пожалуй, не буду травмировать твою слабую психику. Пока что.

– Что не слово, то – загадка. Колись, вся эта ситуация с Мишей тебя забавляет, да? И не бойся говорить правду, я не обижусь. Как только моя мать узнает, *что* я сказала ему, тут же назовет меня сумасшедшей или того хуже. Сотовый в руках будет гореть от её звонков!

– Если честно, ты меня удивила.

– Я и сама от себя в шоке.

Илона щурится, оглядывая меня.

– И как? Нравится делать то, что *хочется*? Судя по тому, что ты рассказала мне, мысль о расставании посетила тебя давненько, но только сейчас ты решилась на этот шаг. И как себя чувствуешь?

– Не знаю, – пожимаю я плечами. – Стоит только представить, как Миша шушукается обо мне с мамой, так меня такая злость охватывает, что руки дрожать начинают.

На самом же деле в такие минуты преобладает глубокая обида, нежели злоба, просто последнее хотя бы не стыдно признать. Я не рассказала Илоне о своеобразном юморе моей мамы. Уж что-что, а это слишком унизительно.

– Забудь о них, ладно? Хотя бы на время, – уточняет Илона, поставив свой бокал на стеклянный столик. – Попробуй пожить несколько дней, не думая о том, что тебя станут упре-

кать в чем-то. Делай то, что хочется. Руководствуйся этим маленьким правилом и поверь, ты еще удивишь себя. По-другому посмотришь на жизнь.

– Этим я и собираюсь заняться в ближайшее время.

Илона довольно улыбается и с хитринкой оглядывает меня:

– Значит, тебе нравятся мои сиськи?

И хотя я смеюсь вместе с ней, мои щеки начинают пылать от смущения. Наверное, впервые я в таких подробностях пересказала ей наш с Мишей разговор, не упустив столь пикантную деталь, и теперь Илона решила позабавиться.

– Знаешь, обычно подруги начинают успокаивать, говорить, что все наладится и не стоит так переживать и лить слезы, но я скажу тебе нечто иное.

– А я и не плачу вовсе, – усмехаюсь я, допив свой martini. – Может у меня просто запоздалая реакция и завтра я истрачу все носовые платочки в упаковке? Но ты продолжай, я внимательно тебя слушаю.

Илона коварно улыбается, наблюдая за мной. Наверняка, у меня уже окосели глаза.

– Хочешь повеселиться? – вдруг спрашивает она, перекинув ногу на ногу. Ей-богу, не будь Илона моей подругой, я решила бы, что меня пытаются соблазнить. Или это действительно так?

– Ч... Чего? Ты же не хочешь, чтобы я... Мы...

Её звонкий смех успокаивает, а мои мурашки на коже,

мгновенно исчезают.

– Вот же! Напугала меня!

– Каролина, я предпочитаю мужчин, – с улыбкой говорит она, проведя руками по волосам. – Но ты очень милая, поэтому, может когда-нибудь...

– Прекрати! Так, что там с весельем?

– Ты же хотела в клуб сходить? Потанцевать, расслабиться.

– Сегодня? – Илона кивает. – Шутишь? Ты посоветовала мне надеть это платье, а теперь тащишь в клуб, где я буду выглядеть, как женщина, вернувшаяся с поминок?

Илона снова улыбается и поднимается с места. Молча скрывается в коридоре, оставив меня одну, а я, тем временем, пытаюсь понять, каким местом думала моя подруга, советуя мне облачиться в этот наряд, зная, что в ночном клубе я буду выглядеть в нем слишком нелепо. Да меня же посчитают какой-нибудь учительницей!

И вот, что странно: пару часов назад от меня ушел парень, с которым мы были вместе целых пять лет, а я же сейчас думаю совершенно не о нем, а о собственном прикиде, ночном клубе и танцах!

– Я спятила, – вырывается у меня. Мама будет рвать и метать, как только узнает о случившемся. Хотя, не все ли равно? Возможно, впервые я действительно делаю то, что хочу, без наставлений и чьей-то помощи.

Смахиваю мысли в сторону, когда в комнату возвращает-

ся Илона. В её руках что-то черное и, кажется... с камнями? Она садится рядом со мной, и мягкая ткань халата задевает мои пальцы.

– Нравится? – спрашивает она, протянув мне в ладонях маску для лица.

Изделие черное с мелкой перламутровой крошкой в зоне глаз и скул. С правой стороны, ближе к вискам, колышутся короткие черно-белые перья, а другая сторона украшена сверкающими камнями.

– Ух ты, – только и говорю я, взглянув на Илону. – Твоя?

– Это тебе.

– Мне? Ты опять говоришь загадками, – усмехаюсь, вновь опустив глаза на сверкающее изделие, – это что, подарок?

– Можно сказать и так. Там, куда мы отправимся, она тебе понадобится. Примеряем?

Если честно, то я вообще ничего не поняла, и мартини здесь вовсе ни при чем. Илона осторожно переворачивает маску внутренней стороной ко мне и аккуратно прикладывает к лицу. Форма носа и скул ложатся идеально, словно для меня она и была сделана. Завязав на затылке черные атласные ленты, Илона с торжествующей улыбкой смотрит в мои глаза и протяжно вздыхает.

– Великолепна.

Меня пробирает смех.

– Веселись, милая, – комментирует подруга, чуть отсев от меня. – Черный тебе к лицу.

– Илона, зачем это? – наконец, спрашиваю я, поборов вспыхнувший смех. – И прошу, прекрати говорить загадки. Я не настолько умна, чтобы разгадать их. Особенно сейчас.

– Мы идем с тобой на закрытую вечеринку, – объясняет она, резко поднявшись. Хватает со столика наши пустые бокалы и проходит к бару. – Дресс-код обязывает носить маски.

– Тематическая вечеринка? В честь Хеллоуина?

– Нет, милая, это не Хеллоуин. Знаешь клуб «Манхэттен»?

Еще бы не знать. Девчонки с работы вечно там зависают.

– В последнюю субботу месяца там проходят закрытые вечеринки, – продолжает Илона, в ответ на мой кивок. – Вход – строго по золотым билетам.

– *Золотые билеты*, – усмехаюсь я, – небось дорогушие. Там что, выступают звезды шоу-бизнеса?

– Нет. Билеты бесплатные. Но вручают их выборочно. Мне мой достался в прошлом году от бармена.

– Я ведь говорила, что не слишком умна для твоих загадок.

Вернувшись на диван с двумя бокалами мартини, Илона делает глоток и продолжает:

– Все без исключения гости обязаны носить маски, это одно из правил «Закрытой субботы». Туда попадают только те, кто получил золотой билет от хозяина вечеринки.

– Ну, у меня то билета нет.

– Гости могут привести с собой одного друга.

– Попахивает сектой. Ты еще не все свои деньги туда отнесла? Квартиру не заложила?

– Поверь, эти субботы поистине особенные, – продолжает Илона, не обратив внимания на мой сарказм, – ты можешь превратиться в какого угодно. Тебя никто не знает в лицо, понятия не имеет, где работаешь, как живешь и есть ли у тебя собака. Второе правило «Закрытой субботы» – не говори о себе правду. Придумай новое имя, хобби, работу, да все, что угодно. Только никогда не говори правду.

Такое чувство, что я по ошибке попала в психиатрическую клинику, где моей первой знакомой стала красивая, но действительно сумасшедшая девушка. Не бог весть что творится в её голове!

– Не думай, что я сумасшедшая, – спокойно говорит Илона, глядя на меня. Да с чего бы мне так думать? Пф! – Разве тебе никогда не хотелось побыть кем-то другим? Познакомиться с интересными людьми при весьма необычных условиях?

– Разве что побыть тобой, хотя бы денек, – приснула я, стараясь сдержать смех. Судя по серьезному выражению лица, Илона воспримет мое веселье за оскорбление. – Послушай, а в чем смысл всего? То есть... Знаешь, у меня на работе полно девчонок, которые почти каждые выходные отрываются в «Манхэттене», но ни о каких масках и правилах никто и ничего не рассказывал.

– Я же говорю, золотой билет получают далеко не все. Это выбор некоего, назовем его, Мистера Неизвестность. Он делает выбор на основе, должно быть, внешних данных. Потому что говорю же, я получила билет от бармена, он сказал мне, что это VIP-приглашение на закрытую вечеринку, которое его попросили мне передать.

– Хозяин клуба на самом деле сутенер?!

– Каролина! – с улыбкой ахает подруга. Мне вот вообще не до смеха, если честно. – Знаешь нашу городскую блогершу? Она постоянно в центре всяких скандалов и пишет провокационные материалы. Как же её...

– Прости, я не особая любительница блогеров!

– Ладно! Несколько месяцев назад на её канале появилось видео, тема которого стала как раз-таки тайная суббота известного в городе клуба. Название не упоминала, но знатоки сего мероприятия сразу смекнули о чем речь.

– У нее тоже есть этот золотой билет?

– Вряд ли, потому что наговорила она там сущий бред. В основном, предположения, что за стенами клуба не просто танцы, выпивка и некое частное мероприятие, а что-то вроде клуба любителей оргий и всего прочего. Наручники, плетки и много секса. Расслабься, все это вранье. Ну, почти.

– Час от часу не легче! Что значит *почти*? Я же говорю, дело не чисто!

– Послушай, это обыкновенная вечеринка. Музыка, танцы, еда и знакомствами. Просто все гости носят маски, лгут

и делают то, чего, наверняка, не сделали бы в своей настоящей жизни.

– Например?

Илона недовольно вздыхает. Если сожалеет, что поделилась со мной всем этим бредом, то боюсь поздно идти на пятую.

– Ну? – подгоняю я.

– Давай, ты лучше своими глазами увидишь все, ладно? А потом скажешь, что думаешь по этому поводу.

* * *

Не возьми мое любопытство верх над здравым смыслом, я бы не сидела сейчас в такси и не тербила от волнения цепочку от своей сумочки. Как обычно, Илона не вдавалась в подробности, предоставив моему богатому воображению шанс показать себя.

Что я увижу *такого* собственными глазами, чего моя загадочная подруга так и не смогла объяснить? Если внутри клуба творится ад с жертвоприношениями и пытками – клянусь богом, я незамедлительно обращусь в нужные органы, а сама лягу в больничку и полечу голову. Глупо отрицать, что в мире не существует подобных сборищ, сект, клубов – да бог его знает, как они называются! Только вот читая о них в книжках, как-то сложно воспринимать все всерьез, искренне веря в авторскую выдумку. Но теперь, когда собственная по-

друга везет меня в логово одного из таких сообществ – меня охватывает тревога.

И хотя, пока все выглядит относительно спокойно, мое внутреннее чутье подсказывает, что это ненадолго. Мы едем в такси, за окном ночной город и слабый дождь. Илона сидит рядом, печатает кому-то сообщение, а водитель сворачивает на узкую улицу, где через пару минут появится черно-серое здание клуба. Прежде, я не была там. Раньше девчонки с работы приглашали меня на тусовки, но Миша был не в восторге от этой идеи, поэтому мне всегда приходилось вежливо отказываться от предложения. А спустя время, они просто перестали звать меня с собой, уже зная, каков будет мой ответ.

– Ты в порядке? – шепотом спрашивает Илона, коснувшись моей руки. – Нервничаешь что ли?

– Вовсе нет. – Вообще-то да, черт возьми. – Мартини перепила.

– А по-моему, ты уже протрезвела, – улыбается она. – Успокойся. Я уверена, тебе понравится.

Автомобиль останавливается у центрального входа в здание. Сейчас, в темное время да и в морозящий дождь, оно больше смахивает на готический замок, нежели на современную постройку с глянцевыми панелями и теплым освещением по всему периметру. Длинная парковка забита автомобилями, повсюду разноцветные такси, спешащие в здание люди. Илона расплачивается с водителем, и мы выходим на

прохладную улицу. Молча заходим в клуб, где нас встречают два высоких крепких парня в черных костюмах. Четверка длинноногих девушек впереди нас раскрывают перед ними свои сумочки и проходят через металлическую арку. Когда очередь доходит до нас с Илоной, мы делаем тоже самое.

– А теперь пойдем в дамскую комнату, – говорит она, расстегивая пальто.

Мы выходим в широкий длинный коридор с множеством темных дверей с золотыми сверкающими ручками. На полу бардовый ковер, через каждые два шага стоят огромные горшки с декоративными деревьями, а за спиной слышатся разговоры вновь прибывших гостей. Любопытство берет верх, и я оборачиваюсь. Ничем не выделяющиеся парни в белых рубашках и модных костюмах, точно пришли на день рождения друга, снимают по пути пальто и кожаные куртки, болтая о чем-то своем.

– А когда нужно надевать маску? – интересуюсь я, поспешив за подругой. Снова оборачиваюсь, но вижу, что тех парней уже за нами нет. – Куда они делись?

Илона продолжает молчать, а я, словно хвостик, следую за ней. Темная дверь в самом конце коридора открывается, и нам приходится остановиться, чтобы пропустить несколько девушек в разноцветных масках. Табличка, что за дверью женский туалет – отсутствует. Не понимаю почему, но как замороженная гляжу на высоких красоток в коротких платьях, что идеально облегают прекрасные округлости. Одна из них,

та, что выходит последней, останавливает на мне мимолетный взгляд, и тут же опускает глаза, словно глядеть на меня запрещено неведомым законом. На её пухлых губах темно-коричневая помада, а ресницы настолько длинные, что выходят за пределы прорезей для глаз.

– Пойдем, – кивает мне Илона, придерживая дверь. – Располагайся, где тебе будет удобно.

Это точно женский туалет?

Светлый кафельный пол, повсюду зеркала и кожаные диванчики мятного оттенка; есть небольшие столики с резными белыми ножками, на некоторых лежат женские сумочки, заряжается чей-то телефон. Эта уютная зона, пропитанная разноразнообразным парфюмом, отделена высокой стеной из сверкающей мозаики золотистых и черных цветов. Дизайнер поработал на славу. Оттуда доносятся женские голоса и звуки льющейся воды.

– Милая, снимай пальто, жарко ведь, – говорит мне Илона, бросив на диванчик свое. – Будь как дома.

– Ага. Как же. Что это за место?

– Комната девочек, – с улыбкой отвечает она. Помогает мне с верхней одеждой и достает из сумочки свою маску. – Доставай свою.

Пока я пытаюсь вытащить маску из маленькой сумочки, в которую она кое-как поместилась, из другой части комнаты выходят две девушки в длинных, облегающих идеальные фигуры платьях. Их лица уже скрыты; блондинка в красном

отключает зарядку на том самом телефоне и забрасывает все в длинный сверкающий клатч. Её подруга в зеленом начинает красить губы перед зеркалом. Странно, но ни одна из них даже не взглянула на нас с Илоной.

– Что здесь происходит, черт возьми? – шепотом спрашиваю я, когда незнакомки покидают комнату, прихватив с собой верхнюю одежду.

Илона говорит, что будет объяснять мне все по мере нашего передвижения по клубу. Со вздохом, надеваю маску, плотно завязав атласные ленты. Мои светлые волосы спадают волнами на плечи и спину, и, пожалуй, именно сейчас, я готова согласиться с Илоной – черный цвет мне действительно к лицу.

– Сейчас сдадим одежду в гардероб, – объясняет она, когда мы вновь выходим в коридор.

За нами следуют еще несколько девушек. Они тихо перешептываются за спиной, и меня это порядком напрягает.

– Какая-то чертовщина, – тихо комментирую я. Внезапно, яркий свет вокруг гаснет и через пару секунд загорается, только теперь заметно тусклее. – Что это такое?

– *Вечер* начался, – томным голосом отвечает Илона, окончательно запутав меня.

Что это значит? Мигающий свет, подобно рупору, сообщает о старте оргии, жертвоприношении и попытках? Мол, все желающие, просим пройти вас в такое то и такое то помещение и занять свободные места?

Подходим к высокой девушке в белом платье до самого пола, с длинными рукавами и оголенными плечами. На ней белая маска, вся из перьев.

– Добрый вечер, – здоровается она с нами. Глаза у нее темные, сверкают. Илона молча прикладывает золотую карту к небольшому устройству в руках девушки, подобно банковскому терминалу, и когда на нем загорается маленькая зеленая лампочка, незнакомка продолжительно кивает: – Желаем вам и вашей подруге прекрасного вечера.

Илона благодарит её, а мне же и слова не удастся вымолвить. С одной стороны, все настолько странное и пугающее, что так и хочется сказать себе: проснись же, глупая! Но с другой, смех да и только!

– Может, ты уже заработаешь, а, навигатор? – усмехаюсь я, взглянув на Илону. – Попахивает какой-то авантюрой.

– Сейчас мы сдадим одежду, – поясняет она, остановившись у широкого окна, за которым стоят три девушки в белых масках и пиджаках. Они забирают наши пальто и вручают черные пластиковые номерки. – А теперь, мы идем гулять.

– Почему здесь такие потемки?

– Так интереснее.

– И где же танцы?

– На втором этаже.

– Мы идем туда? – не унимаюсь я.

Илона тихо вздыхает и останавливается. Мимо проходят

мужчины и женщины, некоторые поворачивают к нам головы и откровенно разглядывают.

– Детский сад какой-то, – комментирую я, когда незнакомцы отдалаются, – видела, как пялились?

– Они присматриваются вот и все. Ты ведешь себя, как дикарка. Успокойся.

– Чего делают? *Присматриваются?* – ахаю я. Илона заботливо кладет руки на мои плечи и тянет на себя. Встаем у большого горшка с каким-то пушистым деревом, пропуская многочисленных гостей. – К чему это они присматриваются? Я ни за что не дам себя лапать!

– Хотят познакомиться, вместе выпить и потанцевать. Расслабься. Я и подумать не могла, что ты настолько пугливая!

– А может они хотят запереть меня в одной из комнат и изнасиловать? Об этом ты не подумала?

Улыбка Илоны настораживает, и я с трудом сдерживаю себя, чтобы не пихнуть её в стенку от злости. Куда, черт возьми, она притащила меня?

– Успокойся, милая. Насилием здесь не занимаются, но в комнату затащить могут.

– Что?!

– Тсс, – смеется она, приложив палец к моим губам. – Здесь взрослые играют *во взрослые игры*. В прятки, бутылочку, правда или действие... Если не хочешь играть – твое дело. Можешь потанцевать, выпить коктейль и поболтать с кем

угодно. Главное, не попадись в чью-нибудь *ловушку*, если сама этого не хочешь.

– Что это значит? – рычу я, закипая от гнева.

– Раз, – поднимает она большой палец, – ни за что не снимай маску. Это ты вправе делать только в дамской комнате, перед уходом. Два – не называй своего настоящего имени. Ври, выдумывай все, что душе угодно, но ни за что не говори правду. Три – не бойся делать того, что хочется.

– Я хочу треснуть тебя хорошенько, это можно? Какого черта ты вообще меня сюда потащила...

Илона лишь усмехается, а мое лицо пылает от ярости. Но потом, её темные глаза останавливаются на моих и глядят так пронзительно, что во мне тут же просыпается странное беспокойство. Думаю, мне еще не доводилось видеть подружку такой *ранимой*. Илона всегда уверена в себе и знает, что и как нужно делать, а тут вдруг такая явная *беспомощность*...

– И четвертое правило: ни за что не влюбляйся.

Я уверила себя, что нет никаких причин для паники, ибо все происходящее всего лишь *игра*. Кругом камеры видеонаблюдения, в некоторых зонах стоят охранники, да и сотрудников в белых пиджачках и масках полным полно – опасности точно нет. По сути, это обычный клуб, только правила здесь странноватые.

Вот, например, что значит, *нужно врать*? Этим пагубным дельцем я занималась последние два с лишним года, когда врала Мише, что между нами все хорошо и мое сердце принадлежит только ему. Сказав правду несколько часов назад (всего несколько часов!), я как будто из ледяной проруби вылезла, полностью избавившись от толстой корки лжи на своем теле. А теперь опять должна врать? И совершенно неважно, что весь этот пафос вокруг, маски и люди в шелках – забава для какого-то чокнутого, чьи правила здесь обязан соблюдать каждый. Уж я то точно не в их числе. Да и смысла во всем этом бреде особого не вижу. Быть может, у меня жизнь начинается заново, и я не желаю снова наступать на те же грабли.

Илона находит для нас пустой столик. Чуть дальше располагается длинная барная стойка. Около нее все места заняты мужчинами, попивающими крепкие напитки. О, боги, до чего же забавен наряд одного чудика! Тот, что по ком-

плекции похож на Карлсона, одет в костюм Дракулы! Рыжие волосы ежиком, пухлые щеки, что едва не поглощают узкую черную маску, кажущуюся обыкновенной лентой с едва заметными прорезями для глаз. С плеч свисает черная накидка, волочащаяся по полу, а из обуви на нем сверкающие черные туфли с чересчур длинным носком. Этот человек выглядит очень одиноким. Такое чувство, что ему очень хочется выговориться, но никто из здешних чудиков не желает иметь с ним ничего общего.

– Ты ведь говорила, что здесь не маскарадная вечеринка. А судя по тому парню, тут отмечают Хеллоуин.

– Я еще не знакома с ним лично, но Сюзанна говорила, что он забавный. Потомок самого Дракулы. – Чего-чего? Куда я попала? – Не смотри на меня так, это же все ложь.

– Кто такая *Сюзанна*? – с трудом сдерживаю приступ смеха. Если она скажет, что это девочка, прилетевшая с другой планеты, ей-богу, я не сдержусь.

– Девушка, которой нравится играть на спор. – Беспорывно хлопаю ресницами, таращась на спокойную Илону, оглядывающую гостей. – Она очень смелая и решительная девушка, между прочим. Не советую играть с ней.

Илона переводит на меня глаза, а её губы расплзаются в коварной улыбке. Надеюсь, у меня отчетливо написано на лице два простых слова: какого хрена?

– Каролина, люди приходят сюда, чтобы расслабиться, – поясняет Илона, явно прочитав немой вопрос в моих гла-

зах. – Мы врем каждый день. Обманываем любимых, родных, начальство, коллег, а потом нас мучает совесть, тебе ли не знать. – Ах, да, конечно. Я же спец в этом деле! – А здесь ты можешь врать сколько душе угодно. Утром ты бы постеснялась подойти к незнакомому парню и заговорить с ним, а тут, скрывая под маской лицо, с легкостью познакомишься с кем угодно. Поцелуешься с кем угодно и прочее...

– Пф-ф! Значит, здесь просто клуб нерешительных и неуверенных в себе людей, которым проще лгать, чем говорить правду? Ты ведь не такая! Что ты здесь забыла?

– Это тоже самое, что отмечать Хеллоуин. Люди надевают на себя жуткие маски и несколько часов живут собственной выдумкой. Кто-то изображает Дракулу, а кто-то просто обыкновенный парень. Сыграй с кем-нибудь, познакомься с людьми и поймешь, что здесь по-своему увлекательно.

Мой вопрос так и остается без ответа. Серьезно, что Илона здесь делает? По-моему, уверенности в себе у нее хоть отбавляй! К нам подходит официант. Пить больше не хочется, поскольку боюсь потерять бдительность из-за алкоголя. И хотя Илона заказывает для нас два коктейля, я настойчиво уверяю, что пить ничего не буду. Мало ли, вдруг здесь что-нибудь подсыпают в напитки?

В сотый раз оглядываюсь и понимаю, что я среди лживых величественных незнакомцев, выгляжу как гадкий утенок. Теперь понимаю, откуда в Илоне этот кошачий томный взгляд и плавные движения тела – здесь все такие. Кажется,

что я нахожусь на маскарадном балу, где среди гостей полным-полно высокоуважаемых лиц, а я – жительница какого-нибудь бедного села на отшибе, что незаконно проникла сюда.

Сколько лет этому парню в темно-сером костюме и маске из серо-зеленых перьев, что стоит у перил и смотрит на танцующую толпу? Кто эта женщина с большой грудью и квадратными сверкающими серьгами в ушах, что болтаются при каждом её движении? Зачем она приходит сюда?

– Это Мишель, – объясняет Илона, кивнув подбородком в сторону этой женщины. – У нее свидание с голливудским режиссером.

– О мой бог! – прыскаю я, сотрясаясь от смеха.

– Она очень милая, кстати. А будешь так вести себя, все поймут, что ты новенькая.

Я мгновенно успокаиваюсь.

– И что будет?

Илона безразлично пожимает плечами и пробегает по залу сверкающими глазами.

– Попадешь в чью-нибудь игру, окажешься в ловушке – понятия не имею.

Отчего-то после этих слов, в мыслях появились кадры из фильма «Пила», где самым жутким зрелищем для меня всегда была та уродливая игрушка на велосипеде. Что она там говорила?

Поиграем? Игра началась?

– Хочешь, можем пойти потанцевать?

– Не-е-т уж, спасибо. Я пока посижу, посмотрю...

На сборище богатеньких лжецов.

Внезапно у нашего столика резко тормозит низенький парень в белой маске и рваной черной футболке с непонятной надписью. У меня даже волосы на затылке зашевелились от того, как он беспардонно наклоняется над столом и заглядывает в мое лицо.

– Прекрасная, не желаешь раскурить кальян?

Молча качаю головой. Наверное, глаза у меня больше, чем объектив профессионального фотоаппарата. Спросив то же самое у Илоны, парень резко выпрямляется и подходит к соседнему столику.

– Это что было? – ахаю я, все еще с опаской поглядывая на незнакомца.

– Это кальянщик Лукас. Юмор у него такой, не парься.

– Слушай... Это не мое вовсе, – невнятно говорю улыбающейся Илоне. И на мою речь никак не влияет воспоминание о жутком фильме про Джона Крамера. О, боже, я даже помню, как его зовут! Плохой знак. – Ты извини, ладно? Но не могу я находиться тут. – Поднимаюсь с кресла и поправляю на плече цепочку от сумочки. Бегло оглядываю зал и как назло мои глаза останавливаются на высоком парне в ярко-красной рубашке и какой-то жуткой угловатой маске с белыми неоновыми линиями. – Я сама найду выход, не переживай. Веселись, хорошо? Завтра поговорим.

– Не уходи. – Расползающаяся улыбка на её лице внушает тревогу, но я старательно изображаю спокойствие. – А как же *игры*?

– О, прошу, не говори этого слова, – нервно хмыкаю я, опасаясь, что откуда-нибудь появится эта жуткая кукла. – Без меня. Я пока не готова к таким... Таким экспериментам. Мне бы сейчас поплакать в подушку и все такое.

Поспешно целую Илону в щеку и желаю приятного вечера. Но как только делаю пару шагов в сторону выхода, повсюду неожиданно гаснет свет, погрузив десятки человек в непроглядную тьму. Музыка резко затихает. Мое сердце стучит как молот. Чувствую себя загнанным в угол мышонком.

– Илона? – тихо зову я, протянув в сторону руку. Повсюду происходит какая-то возня, шорохи, слышатся чьи-то смешки. – Илона, ты здесь?

Она не отвечает. Делаю осторожный шаг назад, в сторону столика, за которым я только что сидела, и нащупываю кожаное кресло. По-видимому, это мое. Перекладываю руки на стол, ощупывая гладкую поверхность, и упираюсь пальцами в другое – там где сидит Илона.

Какого черта она не отвечает мне?!

– Илона, что происходит? Почему ты молчишь?

Нащупываю чью-то крепкую руку, облаченную в мягкую ткань и на секунду замираю. В голове пульсирует, а в нос проникает незнакомый запах: едкий, мужской. Кажется, рядом со мной проходят несколько человек.

– И... Илона? – шепчу я, в ужасе прислушиваясь к глубокому дыханию человека, что вряд ли является моей подругой. По спине молниеносно проносится волна мурашек.

– Её здесь нет.

* * *

Можно упасть в обморок и тогда время пролетит незаметно. Или же сорваться с места и бежать, куда глаза глядят. Но проблема в том, что я не умею видеть в крошечной темноте, и если побегу, то явно сломаю ногу или шею. Остается первый вариант.

Осторожно убираю руку с чужого тела, глупо надеясь, что мое исчезновение, этот не пойми откуда взявшийся незнакомец, не заметит. Но когда где-то в глубине зала раздаётся громкий женский смех, больше похожий на крик какой-то дикой птицы, я машинально хватаюсь за чью-то руку и перестаю дышать. От страха у меня глаза готовы выпасть из орбит.

– Не бойся, – говорит мужской голос рядом со мной. – Я не дам тебя в обиду.

Одергиваю руку и обнимаю себя за плечи. Молча и осторожно пячусь назад, надеясь не свалиться и как можно скорее увеличить расстояние между мной и обладателем фальшивого низкого голоса.

– Раз, два, три, четыре, пять, – пронзает темноту другой

мужской голос. Он настолько громкий и пугающий, что у меня невольно вырывается странный писк. – Я иду *тебя* искать!

Какого черта... Кто это был?

Делаю несколько шажков в не пойми какую сторону, задеваю кого-то рукой, а потом резко останавливаюсь, заслышав чей-то напуганный голос:

– Это была плохая идея. Очень и очень плохая идея.

Темнота обостряет чувства; только сейчас понимаю, что вокруг все перешептываются, хихикают. Могу расслышать каждое сказанное кем-то слово. Чей-то сладкий парфюм становится слишком навязчивым, чешется нос. Моя голова вертится из стороны в сторону, глаза в панике и безнадежно пытаются что-то увидеть.

– Надо выбираться, – продолжает шептать напуганный женский голос. – Надо бежать.

– Мы пришли сюда не ради этого, – говорит другой, более решительный. – У нас есть план и его надо выполнить. Расслабься, ладно? Я должна все разузнать.

– Боже, я и не догадывалась, что ты настолько безбашенная! Нас же, наверняка, заперли здесь! Как думаешь, что обычно делают с беспомощными и напуганными девушками? Не смотрела передачи про маньяков по телеку?

От услышанного воздух вокруг меня уплотняется. Илона не могла так поступить со мной. Она ни за что не стала бы заманивать меня в место, где совершается немыслимый ужас.

Нет, нет.

Заставляю себя успокоиться, насколько это возможно, и просто подумать. Илона говорила, что здесь взрослые люди играют во взрослые игры, так? Что же это за *игра* без света?

– Да он же убьет тебя, если узнает, что ты здесь. Он ведь где-то среди них, понимаешь? Думаешь, твоя маска помешает ему узнать тебя?

– Успокойся, пожалуйста. Нам всего лишь нужно спрятаться где-нибудь и понаблюдать. Братец слишком глуп.

Прятки... Точно! Это же игра в прятки!

– Кто здесь? – шепчу в темноту. Девушка, что слишком напугана, явно новенькая, как и я. – Эй?

– Что происходит? – спрашивает она. – Нас заперли? Кто вы?

Улыбаюсь, как идиотка. Чувствую себя Робинзоном, что нашел Пятницу.

– Надеюсь, что нет. Наверное, это игра?

– Какая? – спрашивает другая девушка. – В ней есть правила?

– Не знаю, но... Может, нужно спрятаться? Я собиралась уйти отсюда, но свет выключился.

– Боже, неужели они здесь в прятки играют! – с сарказмом говорит незнакомка. – Чушь какая. А вы здесь впервые что ли?

– Да... Моя подруга, – чтоб её, гадину, – бросила меня, когда погас свет.

– Хороша подруга. – Девушка усмехается и шепотом поясняет – Мы тоже новенькие. Вообще не понимаем, что происходит.

Отлично, теперь у меня есть маленькая команда «непонимашек».

– Пожалуйста, давайте уйдем отсюда. Мне очень страшно.

– Даш... Рейч, будь смелее.

Внезапно зажигаются разноцветные фонарики над центральной частью зала. Я жмурюсь, постепенно привыкая к сверкающему свету. Повсюду снова все оживает: увеличивается громкость музыки, чужие разговоры, смех... У барной стойки появилось несколько свободных мест, бармены, как ни в чем не бывало, продолжают разливать напитки гостям, кучка людей в масках танцует, а столики вокруг почти все свободны. Некоторая часть гостей просто исчезла за эти пару минут.

Ищу взглядом Илону. Даже если бы она и была среди тех, кто у бара или танцует в толпе, я бы просто не узнала её. Совершенно не помню, какая на ней маска... Да и во что она была одета? Здесь все кажутся одинаковыми!

– Вы та новенькая? С вами мы говорили сейчас?

Оборачиваюсь на знакомый голос. На девушке синее платье с высоким воротником, как у меня, и красная маска с множеством перьев. Темные волосы собраны в высокий хвост, а в ушах сверкающие «гвоздики».

– Да, – киваю я неуверенно. – Странное место, не нахо-

дите?

– Определенно! – кивает другая девушка с рыжими волнистыми волосами. На ней зеленая маска с огромными стразами, красная водолазка и черная обтягивающая юбка-карандаш с высокой талией.

У её боевой подруги темные глаза, бегают туда-сюда, словно выискивают кого-то.

– Слушай, может пойдём, а? – говорит ей рыженькая, потянув за руку. – Здесь не пойми что происходит и меня пугает это. Не дай бог твой бра...

– Как вас зовут? – спрашивает её подруга, внимательно взглянув на меня. Рыженькая тут же замолкает. – Я – Моника. Это Рейчел.

– *Моника?* – с сомнением переспрашиваю я. – Тебя зовут Моника?

– Угу. А её Рейчел.

– Мм. Любите «Друзей»?

– Рейчел обожает, а вот я – нет.

– Здесь же нельзя называть настоящих имен, – сконфужено улыбается рыженькая. – Так нам один парень сказал.

Сколько ей лет и почему они говорят со мной на «вы»? Я что, старая?

– Мне просто нравится Моника Белуччи. Она клевая.

– А-а, тогда понятно. – Бросаю взгляд на хлопнувшую дверь за спиной *Моники* – тьфу ты, какой же бред эти вымышленные имена! – Послушайте, я хочу уйти отсюда, вы,

кажется, тоже? Пойдете со мной?

Глаза Рейчел вспыхнули, но Моника сосредоточенно поджала губы и отрицательно покачала головой.

– Нет, мы останемся. Спасибо.

– А может, все-таки уйдем, а? – клянчит рыженькая. – Мне страшно.

Не раздумывая, Моника повторяет свой ответ. Странное решение, но мне все равно. Нужно самой сматываться отсюда поскорее, пока еще какая-нибудь чепуха не приключилась.

– Ладно. Будьте осторожны.

Обе поспешно уходят в глубь зала и через несколько секунд теряются в танцующей толпе. Зрелище жуткое: под песню Warriors кучка людей в самых разных масках дрыгаются, как зомби. Смахнув пугающие мысли, бросаюсь к широкой двери. Ни секундой больше не останусь в этом кошмаре!

Свет в длинном коридоре по-прежнему тусклый, но это лучше, чем вообще без него. Быстро перебираю ногами. У стены, возле одного из огромных горшков с деревом, обнимаются парень с девушкой; чуть дальше еще одна парочка, только объятиями они не ограничиваются – их громкие поцелуи и чавканья вызывают у меня тошноту.

– Как ты говоришь, тебя зовут? – спрашивает парень с торчащей челкой, оторвавшись от женских губ. Вот уж не знаю, пролететь мимо них, как реактивный самолет, или пройти тихонько на цыпочках, как мышка.

– Мэри, – протяжно отвечает девушка в коротком розовом платье.

Мой шаг от страха замедляется. Парень поднимает на меня глаза и его узкие губы растягиваются в развязной и чресчур самоуверенной улыбке. Он берет за руку свою Мэри, смахивающую на куклу Барби для игр в проститутку и сутенера, и тянет её к темной двери, продолжая с интересом глядеть на меня.

– Красавица, хочешь с нами? Мэри, ты ведь не против?

– Нисколечко!

Это я только что так громко сглотнула? Молча опускаю взгляд и вновь ускоряю шаг, боясь, что этот озабоченный схватит меня и утащит в одну из дверей. Звонкий смех Мэри заставляет обернуться. Чертово любопытство!

– С минуты на минуту свет снова погаснет! – кричит она мне, смеясь как идиотка. Тот парень уже перебросил её через плечо и открыл темную дверь. Боже, до чего же жутко все это выглядит. – Не советую оставаться в коридоре одной! О, Чарльз! Неугомонный!

Как только оба скрываются за дверью, мой ошеломленный взгляд цепляется за трех мужчин, покинувших танцевальный зал. Они в темных костюмах, не спеша движутся в мою сторону. И тут откуда не возьмись появляются подвыпившие громогласные девушки. Не могу сосчитать, сколько их, ведь они всё выходят и выходят из разных дверей, словно по неведомому сигналу.

– О, до чего же прелестные создания, – говорит один из парней, громко цокнув языком. – Раз, два, три...

Свет снова гаснет, заставив меня с силой вжаться в стену. Это он кричал несколько минут назад, когда свет погас впервые? Мой разум отказывается понимать, какого черта здесь происходит, но инстинкт самосохранения подсказывает не делать резких движений и ни в коем случае не шуметь. Я не должна попасться в руки какому-нибудь психу.

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать, – снова напевает мужской голос в другом конце коридора. Жуткий звук внушает не только страх – тошнота пробирается к горлу все стремительнее. – И кто же сейчас попадетсЯ в мои хищные лапы?

Дерьмо. Все дерьмо. Кругом одно лишь дерьмо!

Я пытаюсь не дышать, но даже тихонько выдыхая воздух ртом, кажется, что пыхчу как паровоз. Этот психопат меня точно услышит и тогда... Вот же дерьмо! Я уже говорила это?

Кто-то начинает кричать. Женский вопль режет уши, заставляя глаза в ужасе метаться из стороны в сторону.

– О, нет! Девочки, помогите мне! – уже с заливистым смехом кричит девушка. Её что, щекочут? – Куда ты меня тащишь? Ты ведь понимаешь, что так с девушками не знакомятся!

Еще пару секунд по коридору проносится звонкий смех, а потом резко стихает за внезапно хлопнувшей дверью.

Я сейчас умру. Если у меня случится инфаркт, вина бу-

дет полностью на Илоне. Так и хочется надрать ей задницу и, пожалуй, именно эта мысль, не дает мне возможности отключиться и свалиться на пол.

– Ага! Я нашел тебя! – неожиданно громко выкрикивает еще один мужской голос, совсем рядом со мной. От испуга я дергаюсь и медленно пячусь назад, неведь куда.

– Ты что, видишь в темноте? – сквозь смех, спрашивает девушка. – Ай! Перестань!

Пока мои ноги медленно и осторожно уводят меня от всей этой шумихи, в нос, так же как и я – крадучись, проникает чей-то горьковатый запах.

– Ни звука, – шепчет мужской голос прямо в мое ухо, а чужая ладонь мгновенно накрывает рот. – Я выведу тебя отсюда.

Еще чуть-чуть и сердце вырвется наружу. Надо было оставаться возле стены! Дура! Дура!

– Я помогу тебе, – снова шепчет мужчина за моей спиной. – Я не в восторге от происходящего и намереваюсь уйти. Согласна пойти со мной?

Какой же бардак в голове! Игры, прятки, темнота, маньяки... Илона, бросившая меня здесь на произвол судьбы.

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать! – жутким голосом говорит кто-то впереди. Все внутри меня сжимается от страха.

Если этот тип может помочь мне убраться отсюда, то почему бы и не согласиться? У меня то выбора особого нет. А

если он так тихо подкрался ко мне, значит умеет ориентироваться в темноте и знает, в какой стороне выход.

Тихонько выдохнув носом, слабо киваю. Незнакомец медленно убирает ладонь с моего рта, словно боится, что я могу закричать или рвануть от него со всех ног. Убедившись, что я продолжаю тихо стоять на месте, мужчина нащупывает мою ладонь и крепко сжимает её. Он уверенно тянет меня за собой, как будто действительно видит в темноте. А я же похожа сейчас на какого-нибудь запуганного зверька, которого тащат на поводке. Кажется, мы сворачиваем налево. Позади снова раздаются напуганные девичьи крики, но теперь я спокойнее переношу эти жуткие звуки, поскольку не в одиночку пытаюсь спастись бегством.

– Еще чуть-чуть, – шепчет мужчина, немного ослабив хватку. Наверняка, ему здесь тоже не по себе. А кому понравится находиться в обществе психопатов, рыскающих в темноте, точно хищники?

– Как вы ориентируетесь? – спрашиваю я шепотом.

Мужчина не отвечает, замедлив шаг. Через пару секунд мы останавливаемся, и в пугающей тишине раздается потрескивающий звук.

– Проходи, – говорит он, плавно отпустив мою руку. – Через несколько шагов будет выход.

– Спасибо.

Незнакомец пропускает меня. Расставляю руки перед собой и натываюсь на что-то твердое, должно быть арка. Муж-

чина же идет позади, слышу его тихое дыхание. Если мне не изменяет память, где-то здесь должна быть лестница, по которой мы с Илоной поднимались на второй этаж. Решаю остановиться, чтобы ненароком не свалиться и не свернуть себе шею. Но тут снова раздается потрескивающий звук и короткий щелчок, заставивший меня напрячься.

– Эй? Вы еще здесь? – спрашиваю я шепотом.

– Я по-прежнему с тобой, незнакомка, – отвечает мужчина, но на сей раз не шепотом. Мое тело цепенеет от ужаса, а язык как будто и вовсе свалился в желудок. Чувствую надвигающуюся на меня фигуру и не могу заставить себя отключиться, чтобы не знать и не видеть того, что со мной сейчас будут делать. – Вот ты и попалась.

* * *

Я чувствую его запах. Горький миндаль и мягкие древесные нотки. Они кружат вокруг меня, проникают в нос, оседают на коже. Темнота снова обостряет чувства, а мой страх лишь усиливает их.

Мужчина выше меня. Его теплое дыхание касается моего лба, чувствую слабое колыхание перьев на маске. В моей груди вибрирует так, словно я проглотила свой сотовый, который без остановки звонит. Странно находиться с незнакомым мужчиной в непонятном месте в полнейшей темноте. Да бог мой, не просто странно, это чертовски опасно!

– Ты ведь не в обиде на меня? – вдруг спрашивает он с заметным весельем в голосе. – Другого выхода у меня не было.

– Кто ты такой? – спрашиваю я. Хочу добавить уверенности себе, но черт возьми, моя трусость не желает уступать место. – Где выход? Как отсюда обратиться?

– Я только что похитил тебя. Или спас. Разве не романтично звучит? – иронизирует он.

– Здесь что, собираются психопаты, отказывающиеся признавать свой нездоровый ум?

– Иной раз меня посещает точно такая же мысль.

– Где мы? Где выход? – повторяю снова. – Я хочу обратиться отсюда поскорее! Ты ведь говорил, что поможешь мне.

– А разве я не сдержал слово? Еще чуть-чуть и тебя бы поймали, как тех девиц. Слышишь, они до сих пор кричат за дверью?

За какой такой дверью?

– Мы не возле лестницы? – ахаю я, машинально выставив перед собой руки. Мои ладони упираются о твердый пресс... Или грудь... О, боже! Я только что потрогала незнакомого мужчину! Илона бы меня монашкой назвала, озвучь я ей свои мысли. – Э-э-э, прости, – выпаливаю я, резко опустив руки. – Я просто ничего не вижу...

В ответ слышу смешок, от чего все лицо начинает пылать, как солнце в Сахаре. Но едва успеваю приказать себе успокоиться, как мужские руки осторожно касаются моего живота, и через пару секунд исчезают.

– Это что такое? – С ума сойти, в моем голосе напрочь отсутствует недовольство. Еще не хватало, чтобы этот тип решил, будто вся эта абсурдная ситуация нравится мне! Прочищаю горло и снова спрашиваю: – Что это было?

– Мм... Прости. Я просто ничего не вижу, – повторяет он и мои слова, и мой замешкавшийся тон. – Ты меня *случайно* потрогала, и я тебя случайно потрогал, – со смешком поясняет парень. – Мы квиты. Кстати, да, мы не около лестницы. Но тебе нечего бояться, поверь мне.

– Я хочу уйти. Мне не нравится здесь.

– Я тебе тоже не нравлюсь?

– Ты наглым образом обманул меня, сам то как думаешь?

– Мм, вообще-то, здесь все друг друга обманывают, если что.

– Я же говорю, сборище психопатов! Вообще не понимаю, какого лешего меня сюда занесло!

Парень снова усмехается. Внезапно раздается щелчок и помещение плавно озаряет тусклый оранжевый свет. Несколько раз моргаю, пытаюсь избавиться от красно-желтых кругов в глазах, и когда взгляд становится более ясным, неотрывно гляжу перед собой.

У незнакомца красивые губы. Это первое, что приходит мне в голову. Решительный подбородок с легкой темной щетиной, квадратные скулы и крепкая шея. Темные глаза за гладкой черной маской сверкают теплым огоньком и неотрывно глядят на меня. Признаться честно, я приятно удив-

лена и почему-то до глубины души взволнованна. Как неловко, так и чертовски любопытно находиться здесь, в компании незнакомца, с которым минуту назад у нас был странный разговор в темноте. Только сейчас понимаю, что ни разу, за прошедшие пару минут, не подумала о его внешности.

Смущение зашкаливает, и я отвожу взгляд. Не в силах пошевелиться, отвернуться, уйти... А не слишком ли сомнительно неподвижно и молча стоять перед парнем, что неотрывно глядит на меня? Он чего-то ждет?

– Ты необычная.

Комок нервов, смущения и необъяснимой теплоты замирает в груди, заставив мой взгляд медленно подняться. Мужской голос изменился, стал тише, глубже и *привлекательнее*. У меня даже кончики пальцев закололи, и помнится кто-то говорил, что сей факт является причиной многих патологий.

О чем это я вообще?

– Как тебя зовут? – все тем же тихим, но вибрирующим голосом спрашивает парень, плавно и не спеша моргая.

Нет, клянусь богом, если еще раз взгляну в его спокойные и такие теплые глаза, у меня расплавится кожа.

– Не успела придумать имя?

Придумать?

В мыслях молниеносно пролетают все персонажи, которых мне довелось встретить за последний час.

Мэри, Моника, Дженифер, Чарльз, Дракула... Только сейчас мне приходит в голову, что я понятия не имею, какое

имя выбрала себе Илона. Моя *бывшая* подруга!

– Разве это обязательно? – уточняю я, разрешив себе взглянуть только на мужские губы. Теперь-то я точно знаю, что значит *пленительный взгляд*.

– Таковы правила, – спокойно отвечает он, едва заметно пожав плечами. – Не надо стесняться.

О, боже, вот так стыдоба. Последний раз эту фразу говорил мне дядя Леша, папин брат, когда мне было лет семь-восемь. Он и впрямь думал, что я не узнаю его под маской Деда Мороза и с радостью расскажу стихотворение, чтобы получить заветные подарки. Однако, мне было так стыдно, что я и слова не могла вымолвить.

– Я сказал что-то не то? – Необдуманно поднимаю глаза и тут же утопаю в его ореховом взгляде, как в зыбучем песке. Каролина, соберись же ты! Мужские глаза расслабленные, с поволокой, кажутся мягкими, как пушистый плед. – Такое чувство, что ты...

– Каролина! – выпаливаю я, не дав ему возможности закончить мысль. Не стану я выдумывать никаких имен, мне и моего странного ого-го как достаточно. – Меня зовут Каролина.

Парень долго смотрит на меня, а уголки его губ плавно приподнимаются. На его черной маске нет ни единого страза или пера. Она простая и гладкая, как шелк. Искусно прячет облик хозяина, давая волю воображению.

– С кем ты пришла сюда, Каролина?

– С подругой. – Которая с легкостью бросила меня. – А с кем пришел ты? – Зачем мне знать это?

– С другом. И как тебе здесь?

Я не в силах сдержать нервный смешок.

– Странное место. – Поджимаю губы. – Разве нет? Я от страха чуть не умерла, когда выключился свет.

– Я бы ни за что этого не допустил.

Наши глаза встречаются. Не понимаю, что он имеет в виду, но его вибрирующий голос обжигает мои внутренности. Честное слово, у меня мозги в трубочку сворачиваются, стоит этому незнакомцу только слово сказать. Кстати...

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, вцепившись руками в сумочку, что свисает через плечо.

Но парень молчит, лениво улыбаясь.

– Тоже не успел придумать?

– Я не новичок. У меня есть имя.

– И?

Его взгляд настолько пронзительный, что у меня подгибаются колени. Если он психопат или маньяк – по сути, это, наверное, одно и то же, – то уж слишком привлекательный.

– Чего тебе хочется? – вдруг спрашивает он, завораживая меня ореховыми глазами. Вопрос ставит меня в тупик и, по всей видимости, мое лицо выглядит слишком растерянным, поскольку незнакомец тут же с пленительной улыбкой поясняет: – Чего ты хочешь в *данную минуту*?

– Уйти.

– Разве? – усмехается он.

– Точно.

Парень делает небольшой шаг назад, словно пропускает меня, и тут я замечаю темную дверь позади него. Я была так заморожена им, что даже не удосужилась оглядеть комнату, в которой мы находимся. Кажется, мое сознание решило отказать от попыток скорейшим образом покинуть сие местечко.

С подозрением оглядываю небольшое помещение с массивным деревянным столом на резных ножках, двухместном диванчиком из темной дорогой ткани с золотистыми нитями. Обычно, такие можно увидеть в зарубежных фильмах, в домах каких-нибудь аристократов, задумчиво попивающих чай из небольших белых кружек. Вытянутое окно завешано плотными почти черными шторами, и единственным освещением здесь служит золотистый торшер.

– Для чего нужна эта комната в ночном клубе? – интересуюсь я, оглядев несколько полок с книгами, наверняка, это муляжи. На темном письменном столе кроме ручки и золотистой коробочки ничего нет.

– Это кабинет. Здесь прячутся, знакомятся и общаются гости. Как и мы сейчас. Почти каждая дверь на втором этаже предназначена для этого.

– Нет, серьезно, разве это не странно? – с подозрением гляжу на парня.

Он с улыбкой расстегивает пуговицу облегающего пиджа-

ка и прячет руки в карманах брюк. Замечаю, как его глаза не спеша проходятся по моим бедрам, задевают грудь и делают остановку на губах. Во рту у меня пересыхает. Прочищаю горло и отворачиваюсь, делая вид, что рассматриваю те книги-муляжи с абсолютно одинаковыми корешками.

Почему я не ухожу отсюда?

– Я тебя смущаю?

– Твой взгляд меня пугает, – отвечаю тихо. Зачем-то провожу пальцами по золотистым корешкам, потом смотрю на темный пол, пытаюсь разглядеть при скудном свете замысловатые узоры, а мужчина, что так беспощадно волнует меня, молча стоит позади и явно наблюдает за мной, точно ястреб.

– Тебе нечего бояться. – Кажется, он улыбается. – Я просто удивлен. Обычно, сюда приходят люди, которые хотя бы немного понимают, *для чего* они пришли. А по тебе этого никак не скажешь.

– И почему же ты здесь? – Намереваюсь повернуться к нему, но свет снова гаснет. За дверью тут же раздаются женские крики и мужской смех. – Как же это достало, – шепчу я себе под нос.

– В темноте намного интереснее общаться. Ты так не думаешь?

Осторожно поворачиваюсь и упираюсь плечами о книжные полки.

– Еще не поняла, – скрывая улыбку, отвечаю я. Слышу его медленные, но уверенные шаги. Подкладываю руки под по-

ясницу и потихоньку сдвигаюсь в сторону, подальше от полок. – Так, почему ты сюда пришел?

– Хотел познакомиться с тобой. Я увидел тебя, когда ты собиралась уйти.

– Следил? – вжимаюсь в стену, стараясь бесшумно дышать. Его неминуемое приближение ко мне сотрясает воздух вокруг.

– *Присматривал.*

– Как тебя зовут?

Запах горького миндаля становится насыщеннее. Его тепло пощипывает мою кожу, мысли путаются. Так и хочется влепить себе пощечину и закричать: ты что, идиотка совсем?! Ноги в руки и пошла прочь отсюда!

– Это так важно? – спрашивает парень, приблизившись ко мне. Незнакомец совсем рядом, а я старательно избавляюсь от мыслей, что все это неправильно, и находиться рядом с чужим человеком не есть хорошо.

– Наверное. Мы ведь... Знакомимся, – с запинкой отвечаю я тихо. – Да и я назвала тебе свое имя.

– Макс.

С моих губ слетает нервный смешок:

– Как «Безумный Макс»?

– Как «Безумный Макс», – констатирует он с усмешкой.

На несколько секунд его дыхание прерывается. Кажется, будто мой новый знакомый замер. – По-прежнему хочешь уйти?

– Не знаю.

Это я только что ответила?

«Ты – идиотка!» – вдруг эхом проносится в голове.

– Чего же ты хочешь?

Край пиджака касается моего живота. От этой опасной близости у меня потеют ладони.

– Знаешь, чего хочу я? – спрашивает парень, вибрирующим голосом. Его рука бесшумно проскальзывает к моей талии и осторожно притягивает к себе. Теплое дыхание обжигает шею, его губы над моим ухом: – Чтобы ты вернулась сюда.

Мягкие и теплые, его губы мучительно движутся по моей шее. Он высасывает из меня воздух, уничтожает мелкие остатки здравого смысла, что успели спрятаться в самых потаенных уголках разума на экстренный случай. И вот, этот случай настал: малознакомый парень неспешно и томительно прокладывает дорожку обжигающих поцелуев по моей шее, вот-вот доберется до губ, а я не в силах оттолкнуть его и закричать, что это неправильно и дико.

Аромат горького миндаля, кажется, прочно обосновался под кожей и в мягкой ткани моего платья, точно вездесущий сигаретный дым. Колючая щетина щекочет, а теплые ладони мучительно медленно движутся по моей спине. Я невольно выгибаюсь навстречу крепкому мужскому телу, когда теплые губы едва касаются моих. Сама того не ожидая, я первой делаю шаг. Осторожно провожу языком по краешку его нижней губы, ненароком задевая щетину; в этот миг не суще-

ствует мыслей, опасений и тревоги, лишь плотское желание насладиться мужскими губами, почувствовать их вкус.

Шоколадный.

Точно, он похож на шоколад!

Нежный поцелуй, такой осторожный и завлекающий, лишает последнего воздуха. Меня затягивает в темную пучину необъяснимых событий, невероятно странных, ошеломляющих и по-своему безумных. Но я готова побыть её пищей еще чуть-чуть. Еще немного и я остановлюсь.

Горький.

Поцелуй становится напористым, жадным. Крепкие руки сжимают меня, лишая возможности двигаться. Находиться во власти темноты и стремительно возрастающего возбуждения – безумство, о котором я, кажется, ничего не знала.

На мгновение, губы Макса отрываются от моих. Он прерывисто дышит, крепко прижимая меня к себе, а я уверена, что точно рухну на пол, стоит ему только разжать объятия.

– Я хочу, чтобы ты вернулась сюда, – повторяет он, соблазнительно облизав мою нижнюю губу. – Я хочу узнать тебя.

Не дав возможности даже сообразить что-то в ответ, Макс снова накрывает мои губы теплым поцелуем, словно не желает слышать отрицательный ответ. Но, когда раздается щелчок, и тусклый свет нагло обнажает нас, мои спутанные мысли кубарем врываются в сознание, и я мгновенно цепенею.

Макс останавливается, но не спешит убрать руки с моей талии и хотя бы немного отодвинуться. Он возвышается на-

до мной и выжидающе смотрит прямо в глаза.

– Я... Извини, мне... Теперь я хочу ий. – Слова даются с трудом. Сложно в одну секунду примириться с тем, что я добровольно согласилась на страстные поцелуи и объятия с человеком, которого впервые вижу. Вжимаюсь в стену и нелепо продвигаюсь в сторону, подальше от очаровавшего меня парня в черной маске. – Нужно идти.

Наконец, он опускает руки и прячет их в карманах брюк. Еще несколько секунд я озадаченно гляжу на него, хотя вовсе не Макс обескураживает меня – я поражаюсь самой себе. Пять лет отношений прекратили свое существование несколько часов назад и по негласным правилам я должна сидеть в обнимку с коробкой бумажных платочков и бутылкой водки. Черт, я *обязана* страдать!

Тупое чувство вины перед Мишей отдает запахом плавящейся пластмассы. Только подумать, стоило ему собрать вещи и уйти от меня, как вдруг во мне проснулась похотливая идиотка, о существовании которой я и не подозревала.

«Да, да, ты идиотка!»

Неряшливо поправляю волосы, разглаживаю ладонями платье, а Макс неподвижно стоит напротив. Не в силах взглянуть на него, едва заметно киваю, только зачем – понять не могу. То ли на прощание, то ли в знак благодарности за вспыхнувшие эмоции и обжигающие внутренности чувства.

– Я хочу, чтобы ты вернулась, – повторяет он пугающе-решительным голосом. Ореховые глаза блестят, следят за мо-

ими. – И ты вернешься.

Мила не разговаривает со мной третий день. На сообщения не отвечает, трубку не берет, а если прошу бабушку позвать её к телефону, то у мелкой находятся десятки причин, чтобы отказаться от разговора и при этом не дать понять бабушке, что мы в очередной раз разругались. Ну, хотя бы о ней позаботилась!

Бросаю сотовый на стол и поднимаю глаза на Даню, что в привычной для себя манере разложил перед собой кучу бумаг с таблицами, блокноты с исписанными золотыми страницами и айпад с ноутбуком. Зачем ему столько всего – не понимаю.

– Надо решить, что нам делать с баром, – уже в четвертый раз за последний час повторяет он. И так же в четвертый раз поворачивает к нам с Кириллом ноутбук, где около двух десятков вариантов оформления барной стойки. И в четвертый раз я чешу затылок. – Слушайте, вы как девки определиться не можете! Красную помаду или розовую, синее платье или черное? Стразы или бриллианты? Туфли или кроссовки? Решайте уже скорее, да и дело с концом! У меня своих забот хватает.

– Оно и видно, – хмыкает Кирилл, смяв в руке жестяную банку с колдой.

– Мы должны были определиться с этим еще на прошлой

неделе, но вы вдвоем постоянно меняете тему разговора, и в итоге мы обсуждаем не имеющую к делу чушь!

Мы с Кириллом переглядываемся, старательно пряча улыбки. Даня в нашей компании самый серьезный. Даже чересчур. Иной раз от его педантизма хочется повеситься. И слава богу, что это качество проявляется только в бизнесе, иначе мы бы точно не были друзьями.

– Не смей называть чушью прошлую субботу, мой друг! – с деланным недовольством замечает Кирилл и целится в темную мусорную корзину, что стоит в углу. Раз, два и кривая жестяная банка попадает точно в цель. – Мы же не виноваты, что весь вечер ты закипал от злости, как чайник.

– Да ладно тебе, – подхватываю я, – вовсе не весь вечер. Разве что часа три просто стоял у бара и спокойно наблюдал, как его птичка веселится с другими мужиками. Кстати, как там её зовут?

Даня кривит губы и закатывает глаза, стараясь показать нам, что ему *все равно*. Этим же он занимался в прошлую субботу, когда некая Аврора (на имена у меня отличная память!), с которой они уже как несколько месяцев поддерживают не то дружеские, не то *далеко не дружеские* отношения (мы до сих пор толком понять не можем), знакомилась с другими парнями, уходила в комнаты, где играли в «Бутылочку» и «Слабо» и соблазнительно танцевала. И видя все это, Даня нервно постукивал пальцами по барной стойке, пил виски и через силу общался со знакомыми, что подходили к нам по-

здороваться.

– Вы что, поругались? – почесав голову, спрашивает его Кирилл.

– С кем? – недовольно буркает Даня.

– Кажется, с той привлекательной брюнеточкой, от которой ты не отходишь последние месяцев пять. Как же её зовут... А... А... Аврора! – распевает Кирилл, плавно взмахнув в воздухе рукой. – О, прекрасная Аврора! Что же ты сделала с нашим мальчишкой!

– Заткнись.

– Ну, серьезно! Что между вами случилось? Или, лучше было бы спросить, что между вами происходит?

А вот я, кажется, догадываюсь. Сногшибательная Аврора предложила Дане встречаться не только на *закрытых вечерах*, чего мой уважаемый друг стопроцентно не собирается делать. Прелесть этих вечеров в том, что какими бы ни были отношения между парнем и девушкой и какие бы секреты их не связывали – ничего не может быть вынесено в реальную жизнь. От этой мешанины никому лучше не будет, все только испортится. Там, в клубе, они рассказывают друг другу *сказки*, наделяют себя качествами, которых на самом деле нет, прячут лицо под маской, чтобы казаться красивее и загадочнее. Все это – способ развлечься, почувствовать себя другим человеком. В конце концов, будет что вспомнить на старость лет.

– Она была не в настроении общаться со мной, а я с ней.

Всем все понятно? – отвечает Даня, стрельнув в нас зелеными глазами. – Закрыли тему. Возвращаемся к работе. Маша сделала для вас пятнадцать вариантов оформления барной зоны, и неужели вы не можете определиться?

– А что тебе приглянулось?

– Мне уже все равно, выбирайте сами, – буркает Даня, вертя в руках свой сотовый.

– Гляди, наш педант превращается в нормального человека! – веселится Кирилл. – Как это, *тебе все равно*? Это же барная стойка! Мать её, барная стойка! Когда клубом занимались, ты всю плешь проел нам, а теперь тебе все равно? ВСЕ РАВНО? Друг, с тобой что-то не так.

– Задрал. Ты можешь хоть что-то нормальное сказать?

– Ладно. Ладно. По-моему, все варианты одинаковые. Там есть черный, тут есть черный, – перечисляет Кирилл, пролистывая изображения на ноутбуке. – Здесь лампы квадратные и тут лампы квадратные. Здесь какой-то папоротник и тут тоже самое. Да я бы и сам такие проекты делал! Макс, а ты что скажешь?

Полная хрень, вот что.

– Однотипно, – отвечаю я, с улыбкой кивнув Дане. – Нет динамики, понимаешь? Вообще все на какой-то древний клубешник похоже. Гляди, здесь у входа за этой жуткой черной шторкой будут толпиться девочки, которым еще восемнадцати нет. Это ведь мужской кабак!

– А что же вы раньше то молчали? – на выдохе спрашивает

Даня, устало оглядев нас. – Если вам изначально не по душе работа Маши была, какого хрена мы тогда месяц от нее все требуем и требуем новые варианты?

– Лично я ничего не требовал, – говорит Кирилл и поднимает ладони.

– Слушайте, мы планировали открыть кабак через четыре месяца, а теперь из-за ваших капризов, мы получим большой и жирный х...

– Да брось! – отмахивается Кирилл, повернув к нему ноутбук. – Нам то нужен всего-навсего новый дизайнер, а их в городе полно.

– Правда? Креативного, с хорошими рекомендациями и не обремененного другой работой? – уточняет Даня, складывая все свои записи в ящик стола. – Что ж, удачи, друг!

– Да ладно тебе, Дань, найдем мы другого профессионала, – подключаюсь я, – сделаем крутой ремонт и вовремя откроемся.

– Динамики им не хватает, – бубнит он, захлопнув крышку ноутбука. – Скоро техника вся придет, а у нас до сих пор голые стены.

Мы с Даней учились в одной школе, только в параллельных классах. Наши мамы руководили родительским комитетом, постоянно собирали деньги на подарки, организовывали всякие утренники, в общем, так и подружились. С Кириллом же нас объединил клуб по рукопашному бою, куда я ходил с семнадцати лет. За эти годы многое изменилось в мо-

ей жизни, но эти два человека по-прежнему остаются теми добрыми и готовыми на все парнями, с которыми меня свела когда-то судьба. Не знаю, в курсе ли они, как много наша дружба значит для меня. Не хочу показаться сентиментальным, но я чертовски дорожу этими ребятами.

Спустя двадцать минут наше обсуждение за круглым столом наконец, подходит к концу. Кирилл уверенно заявляет, что сможет найти самого креативного дизайнера в городе, а если вдруг что-то пойдет не так, он купит Дане целый ящик элитного виски. Завожу машину с пульта и набрасываю кожаную куртку, пока парни обсуждают размер кладовой для расходных материалов. Спасибо, Господи, что меня это не касается, иначе после вечных споров с Даней у меня бы постоянно раскалывалась голова, и я бы точно пристрастился к обезболивающим таблеткам. Мое дело – закупка материалов для ремонта и оборудования; я мотаюсь по городу в поисках нужных деталей, предметов и болтиков, слежу за рабочими, выполняю все, что скажет дизайнер, а когда ремонт заканчивается и двери наших заведений открываются перед гостями, я устраняю возникшие при эксплуатации неполадки. В клубе что-то случается раз десять за месяц.

Хватаю свой телефон, что оставался лежать на столе и снова, раз в пятидесятый за эти дни, открываю иконку «Сообщения». Под всеми *моими* безответными смс-ками стоит отчет о прочтении.

– Тебя что, тоже девчонка бросила? – хмыкает Кирилл,

наблюдая за мной. – Глаз с телефона не спускаешь.

– Мила надулась, как обычно. – То есть, не как обычно. В тот вечер, когда я подвез её к дому одноклассницы, с ней произошло что-то странное. Прежде, я никогда не видел сестру такой обозленной. До сих пор из головы не выходит. – Отказывается разговаривать со мной.

– И что же ты натворил на сей раз? – интересуется Даня.

– Как можно обижать младшенькую? – с деланным осуждением присоединяется Кирилл. – Не будь ты её братом, я бы тебе навалял!

– Она бы только обрадовалась, поверь, – усмехаюсь я, заблокировав экран. – Недавно сказала нечто подобное.

– У тебя поэтому-то девушки нет, да? – улыбается Даня. – Мила со своими истериками высасывает всю энергию?

О, мой бог, очнулись, наконец, вредность и издевка.

– Представь, у него таких две будет: сестра и девушка. А если еще они объединятся, – Кирилл переводит на меня веселый взгляд, – у-у-у, я не завидую тебе, брат.

Оставив их бессмысленную беседу без комментариев, сухо прощаюсь и спускаюсь по лестнице на первый этаж. Днем наш клуб выглядит иначе. Безжизненный и пустой, как заброшенное здание на окраине города, куда мы в детстве с друзьями приходили играть. Ни разговоров, ни танцев – угнетающая тишина, да и только.

У выхода меня нагоняет Кирилл и пихает в плечо. Мила говорит, что мы с ним очень похожи, хотя я вообще не по-

нимаю, что у нас может быть общего, помимо темного цвета волос. У меня лицо колючее, а у Кирилла гладкое как попка младенца. Мои глаза почти черные, а у него серые, как сухой летний асфальт.

– Куда едешь? – спрашивает он, застегивая коричневую кожанку. – За подарком?

– За каким подарком?

– Ну, мелкой, – уточняет он, достав сигареты. – Составишь компанию?

Мы заходим в курилку у самого входа. Кирилл протягивает мне темную пачку, и я достаю сигарету, нащупывая в кармане куртки зажигалку.

– В чем провинился то?

Затягиваюсь и не спеша выдыхаю густой дым.

– Она меня с ума сведет своими «хочу кучерявые волосы, хочу короткие волосы, хочу татуировку, хочу в клуб».

Кирилл улыбается и слабо пожимает плечами, словно ничего сверхъестественного я не сказал.

– Она ведь девушка, чего ты хочешь от нее. Да и вполне себе нормальные вещи просит. И с возрастом, кстати, они не меняются. Это я по своей маме сужу.

– Вряд ли Алла Степановна выклянчивает у тебя золотой билет.

Снова затягиваюсь и разминаю ладонью шею. Кирилл упирается рукой о широкий подоконник и удивленно таращится на меня.

– Мила про *золотые билеты* знает? – хлопает он глазами. – Ты же говорил, что она нашла у тебя маску в комод и ты наврал ей в три короба, разве нет?

– Это я *вам* солгал, а ей пришлось сказать правду. Не всю, конечно. – Выдерживаю на себе укоризненный взгляд друга и спокойно объясняю: – Она решила, что я любитель каких-то страшных ролевых игр. Привожу несчастных девочек домой и делаю с ними что-то не очень хорошее.

– И все из-за какой-то маски?!

Продолжительно киваю:

– У Милы воображение богатое. Короче, чтобы моя родная сестра не считала меня каким-нибудь озабоченным маньяком, а поверь, судя по её кривившемуся выражению лица в тот момент, она действительно так думала, я сказал, что эта маска для закрытых субботних вечеринок. Мол, дресс-код такой.

– Ладно, а при чем здесь билеты?

– Она сама их нашла, – отвечаю я, затянувшись сигаретой.

– Какого черта, Макс? Она у тебя что, рыщет по ящикам? Или ты все на обеденном столе хранишь?

– Они лежали под маской. Те несколько штук, которые Даня дал мне полгода назад. Я ведь не раздаю билеты, этим вы занимаетесь.

Точнее, я не раздавал их до прошлой субботы.

– Значит, это мы с Даней виноваты, что твоя сестра нашла их? – Ну, в какой-то степени да! Я же им твердил, что

эти карточки мне даром не нужны, пусть кто хочет, тот и приходит. Я не собирался никого конкретно звать туда. А этим двоим вздумалось разработать *особые пригласительные* и вручать их только тем, кто произвел на них приятное впечатление. – И что ты сказал ей?

– Гляди, твой брат – миллионер, у него куча золотых карточек! – иронизирую я. С заметным раздражением Кирилл тушит сигарету и оставляет её в стеклянной пепельнице. Если в Дане включается педант, стоит нам только заговорить с ним о работе, то Кирилл превращается в щепетильного ворчуна, когда дело доходит до соблюдения правил на закрытой вечеринке. Как будто это настолько глобальный проект, что одна маленькая ошибка может стоить жизни половине человечества всей Земли. – Поскольку мне не хотелось выглядеть в глазах родной сестры все тем же озабоченным типом, я сказал ей правду. Что это – золотые билеты, которые мы раздаем друзьям и понравившимся девушкам.

– Дай угадаю, Мила тут же спросила, а что же вы там с *ними* делаете? Макс! Это же Мила! Ты разве врать не умеешь?

– Я сказал правду. Люди там *знакомятся* друг с другом. – На самом деле в тот момент Мила смотрела на меня как на сумасшедшего. Пришлось в общих чертах объяснить смысл этих вечеринок, и к моему удивлению, а потом и ужасу, сестра пришла в неопишуемый восторг. – И теперь ей очень хочется попасть туда.

– Должно быть, *ужасно* хочется, раз вы ругаетесь по это-

му поводу, – рывкает Кирилл, оперевшись спиной на стену. – Ну, а ты что хотел? Она взрослеет, интересы меняются, любопытство зашкаливает. Моя двоюродная сестра Рита, помнишь её? Черные волосы, худая, как спичка. Ей только-только восемнадцать исполнилось, а она уже парня себе нашла. Да еще и какого! У них разница в возрасте семь или восемь лет. Представь, Мила встретит такого мужика и звонким голоском скажет тебе, *знакомься, братик, этой мой парень и я его люблю!*

– Заткнись.

Я этому кретину зубы все выбью, кто бы он ни был.

Но! Такого не случится, ведь Мила – умная девочка. А еще, она слишком мала для отношений. Пусть лучше блоги свои пишет, школьной газетой занимается и бабушке с дедушкой помогает.

– А говоришь, что никому свои билеты не раздаешь. Тогда, что было в субботу, друг мой, когда ты подлетел ко мне не в самый удобный момент. Я между прочим с девочкой милой знакомился, а ты ворвался к нам как ураган.

В ту субботу я впервые вручил билет девушке. И поскольку прежде, этого никогда не делал, пришлось в спешке искать друзей, чтобы одолжили мне один из своих. У них-то они всегда при себе.

– И еще раз, спасибо.

– Ладно уж. Достань свои из комода и носи с собой, как презервативы. Ну, а девочка то хорошенькая? – спрашивает

Кирилл, улыбаясь.

– Необычная, – киваю я.

– Забавная?

– Ну, есть немного. Надеюсь, вернется.

Мы выходим на улицу, и осенняя прохлада тут же проникает за шиворот куртки. Кирилл поворачивается ко мне:

– Ладно, – пожимаем руки, – передавай привет своим. И купи сестре какую-нибудь безделушку, чтобы позабыла о вечеринках для взрослых.

* * *

– Беспроводные наушники? – удивляется Мила, несколько раз покрутив коробку в руках. – Они же кошмар какие дорогущие!

Ну, да, *безделушка* не из дешевых.

– Ты же давно такие хотела, – улыбаюсь я, опустившись на пол. Сестра недоверчиво поглядывает на меня, потом тихонько вздыхает и как будто не хотя, хмурит свои бровки. – Ты так подлизываешься ко мне, да?

– Что-то типа того, – пожимаю плечами, изобразив виноватый вид. – Мне жить сложно, когда ты не разговариваешь со мной.

– Печаль.

– На уровне земного ядра.

– Настолько глубокая? – с деланным удивлением спраши-

вает Мила. – А я и понятия не имела, что так важна для тебя. – Заметив мое недовольство, она громко вздыхает и поднимается с кровати. Подходит ко мне и крепко обнимает, поцеловав в макушку. – Спасибо, Макс. Не стоило так тратиться. Мог бы просто разрешить мне сесть за руль своего «Мерса». Хотя бы на пять минуточек.

– Целая вечность! Уж лучше наушники.

Следующие несколько минут Мила рассказывает мне о делах в школе. Учителя пугают предстоящими выпускными экзаменами в конце года, одноклассница заразилась ветрянкой от младшего брата и теперь отправляет в общий чат смешные фотки, на которых она точно Феона из «Шрека», а парни задолбали бросать в сторону девочек пошлые шуточки. О проблеме последнего Мила собирается рассуждать в своем блоге, который я, к собственному стыду, никогда не читал.

Слушая её голос, я успокаиваюсь, словно вокруг играет тихая и убаюкивающая музыка. И все же, некоторые фразы пролетают мимо меня, поскольку пребывание в столь чудесном состоянии безмятежности, невольно расслабляет разум.

Каролина была нежной. Возможно, хотела большего, но боялась саму себя, оттого и не спешила, предоставив мне всю полноту действий. Что ж, можно сказать, ей повезло, ведь я не любитель знакомств на высокой скорости. Хотя, признаюсь, стоило только вдохнуть сладковатый запах на её шее, стрелка на моем личном спидометре стремительно поднима-

лась. Обычно, все совершенно не так. Как раз наоборот. Девушки, что оказываются со мной наедине и чьи маски так мастерски скрывают лица, давая возможность позабавиться с собственным воображением, зачастую не могут выстроить увлекательную стратегию нашей совместной игры, сразу переходя к финишной прямой. Моя педаль тормоза, в этих случаях, с грохотом *проваливается* в пол, а игра заканчивается, так и не успев толком начаться. Но в ту субботу затормозить мне помог вовремя включившийся торшер. Его приглушенный свет бросил тусклую тень на лицо взволнованной происходящим девушки и словно отвесил мне оплеуху. Я выдохнул, когда она молча ушла, оставив меня одного в комнате. Иначе при следующем отключении света, я бы точно все испортил.

Вдруг подскочившая с кровати Мила, отвлекает меня от мыслей. Как угорелая, сестра бросается к ноутбуку, что лежит на письменном столе и поднимает крышку.

– Что случилось?

Она быстро стучит по клавишам, и в экране появляется упитанное женское лицо с розовыми щеками, точно от мороза. Пытаюсь разглядеть её повнимательнее, но Мила как будто специально загораживает обзор.

– Ты что там делаешь?

– Мм... Да тут девочка новый видос добавила на свой канал, – замешкавшись, отвечает сестра. Заправляет за ухо длинные темные волосы и вновь несколько раз нажимает на

какие-то клавиши. Через пару секунд экран гаснет, а Мила, разворачивается ко мне:

– Пошли есть! – заявляет она, с грохотом опустив крышку ноутбука. Подскакивает на месте и хватает меня за локоть. – Вставай давай! Бабуля там пирожки с капустой нажарила. Чувствуешь, как пахнет?

– Какая муха тебя укусила?

– Просто радуюсь, что между нами все хорошо, – пожимает она плечами. Я поднимаюсь на ноги и поправляю джинсы. Не успеваю толком подобрать варианты причин столь странного поведения, потому что Мила тут же заполняет тишину звонким голосом: – Через три недели у нас пробный экзамен по математике, ужас просто! Так боюсь провалить его. А еще эта математичка – сущий кошмар! Наша учительница заболела, а эта старая и озлобленная мумия её замещает. Ей бы хлыст в руку, да костюмчик кожаный для полного образа.

– У тебя же твердая четверка.

– Лучше бы слабая пятерка была, тогда бы я не беспокоилась. Нужно хорошенько подготовиться. Прямо хорошенько-хорошенечко!

– Нанять репетитора? – Мы выходим из спальни, и в нос тут же проникает ароматный запах бабушкиных пирожков. – Вкуснотища. А хочешь, я Кирилла попрошу позаниматься с тобой.

– ...Что? Зачем? – в ступоре спрашивает сестра.

Я хмыкаю, обогнав её, и вприпрыжку спускаюсь по круг-

лой лестнице.

– Он же у нас с цифрами дружит, а в школе даже первое место взял на Олимпиаде по математике. Вроде бы... Ты чего стоишь то? – улыбаюсь я, задрал голову. – Спускайся, а то пирожков не достанется.

Мила нагоняет меня и с глупой улыбкой говорит:

– Нет, не надо ни репетиторов, ни Кирилла... В общем, никого не надо. Я сама справлюсь.

– А вот и внучата! – говорит нам бабушка, помахав деревянной лопаткой. – Еще пару минуток и все будет готово.

– Макс, послушай, я хотела сказать, что до пробного экзамена осталось три недели.

– Это я понял.

– Хорошо, – снова улыбается она, садясь за стол. – Просто я хотела сказать, что мы с Дашей будем вместе готовиться по выходным.

– Ладно, – пожимаю плечами, – буду отвозить тебя, а вечером забирать к себе.

– Договорились, – кивает сестра, сложив руки на столе, точно первоклассница. – Бабуль, а Максим мне подарил наушники. Беспроводные.

Наша бабушка оборачивается и задерживает на мне взгляд, говорящий только одно: о чем твоя сестра сейчас говорит? Я улыбаюсь ей, продолжительно моргаю и замечаю за окном деда, вернувшегося из местного магазина, где не так давно установили ларек с государственными лотереями.

– Вернулся! – на выдохе комментирует бабушка. – Сейчас зайдет и скажет, что в следующее воскресенье он точно выиграет миллион! Смотрите.

Входная дверь в прихожей хлопает, а спустя пару минут на кухню заходит дед с несколькими билетами в руках.

– Даже не думай ворнякать! В следующее воскресенье я точно выиграю миллион! Помяните мое слово.

Мы с Милой улыбаемся друг другу, а бабушка лишь протяжно вздыхает, закатив глаза.

– Максим, я тут что подумал, – говорит мне дед, сев на стул, – я ведь в городе не часто бываю, а там в торговых центрах есть ларьки с лотереями. У них всех разные пачки с билетами.

– Ты на что это намекаешь, проказник? – встревает бабушка, деланно серьезным тоном.

– Не лезь, а! – вякает ей дед. Потом снова смотрит на меня, поправив очки на переносице. – Ты если вдруг мимо проходить будешь, купи мне хотя бы один билетик на свой выбор.

– Дедуль, от перестановки мест слагаемых сумма не меняется, – говорит ему Мила, весело смеясь. – Неважно, где покупать билеты, ведь вся эта игра – лохотрон! На таких как ты зарабатывают миллионы, а то и миллиарды!

– Внучка дело говорит.

– Жарь свои пирожки молча, ладно? – дед недовольно озирается на бабушку.

– Хорошо, – шепотом говорю я ему, чтобы бабуля не услы-

шала. – Будет возможность – возьму.

– Вот спасибо, – кивает он довольный, как слон. А потом громче добавляет: – Мужик мужика всегда поймет. В нас, Галина Ивановна, – обращается он к бабушке, – азарт живет с рождения! Мы ведь добытчики, суровые охотники, что наслаждаются игрой в «Кошки-мышки». Не будь мы так азартны и полны решимости добиться своего, женщины в каменном веке умерли бы с голоду.

– От того, что ты выбрасываешь деньги на ветер, скупая эти бессмысленные бумажки, мы в скором времени точно помрем с голоду! – тут же отвечает ему бабушка, вытирая полотенцем руки. Она ставит на стол большую чашку с горячими пирожками, и несмотря на то, что пахнут они страшно аппетитно, меня настигает легкое и необъяснимое беспокойство, заставив невольно задуматься о всем и ни о чем. – Они горячие, кушайте осторожно!

– Бабуль, мы с голоду не умрем, – говорит ей Мила, с улыбкой накладывая в свою тарелку три пирожка. – Максим нас накормит, правда?

Она игриво подмигивает мне и поднимается, чтобы помочь бабушке с приготовлением чая. Должно быть, новые наушники и впрямь оказали на нее волшебное действие, ведь сестра выглядит такой счастливой. Подозрительно счастливой.

И почему это она не съязвила в мой адрес после столь продолжительной речи деда об охотниках, играх, билетах... Ей

бы ведь только повод дать, за что зацепиться, а тут вдруг молчит, хотя подколоть меня уже можно было раз десять. Мила ставит перед нами чашки, кладет чайные ложки рядом. На секунду наши глаза встречаются, и я без сомнений замечаю в них фальшивую радость. Последующие сорок минут я рассказываю всем о нашем новом проекте, отвечаю на многочисленные вопросы деда и восхищаюсь бабушкиными пирожками, не упуская возможности поглядеть на сестру. Она улыбается, хохочет, вставляет свои пять копеек в разговор, а на меня даже не смотрит. Как будто боится, что я все-таки смогу прочесть её мысли.

8

– Для тебя это все шуточки, да? Вздумала жизнь поменять, творить безрассудство? До чего же ты глупая и безответственная! У тебя совесть есть вообще? Ты подумала о чувствах Миши? Ты подумала о его родителях? Ты о собственной матери вообще думала, когда выгоняла его?!

У меня потеют ладони. Чувство мерзкое, особенно когда руки сжимают дорогую замшевую сумочку, оставляя на нежной поверхности влажные следы.

– Если бы ты только видела мое лицо, когда Миша поведал мне обо всем, что случилось. Я же побледнела, как стены в больнице! Руки затряслись, давление подскочило! Я в ту же секунду хотела позвонить тебе и отчитать, но Миша приказал успокоиться. У тебя есть совесть, Каролина?!

Мама щепетильно относится к своей внешности, регулярно посещает кабинет косметолога, делает омолаживающие инъекции, а летом, когда солнце плавит асфальт, старается вообще не появляться на улице, поскольку считает, что даже самый легкий загар способен состарить её подтянутую кожу в один миг. Но сейчас, когда её узкое лицо покрывается алыми пятнами, а большие карие глаза накрывает темная пелена ярости, мама выглядит заметно старше своих лет.

– Отвечай, Каролина! – приказывает она, сжав кулачки. Если бы она не была такой худенькой и миниатюрной, я бы

подумала, что вот-вот и мама лопнет от злости. – Соизволь объясниться со мной!

– Так у тебя ведь уже есть ответ на этот вопрос. Зачем тебе мое мнение? – спокойно отвечаю я, поерзав на стуле. Годы идут, а в наших с мамой скандалах ничего не меняется: она ходит туда-сюда передо мной с суровым видом, а я сижу на стуле с опущенной головой.

– Безответственная! – выпаливает она, бросив на меня глубоко отчаявшийся взгляд. Как будто я швырнула в огонь драгоценный дневник с историей моей жизни, что она так старательно писала для меня. – Что же ты творишь?

– Возможно, то, чего хочу сама. *Впервые*, – уточняю я, глядя ей прямо в глаза. – Я не люблю Мишу, мама.

– Пять лет отношений и ты вдруг решила, что не любишь его? Мужчину, с которым спала? Который поддерживал тебя и сопли подтирал? – разоряется она. – Как можно не любить человека, который пылинки с тебя сдувает? Каролина, я прошу тебя, как мать – верни его. Одумайся, пока не поздно. Таких, как он, не найти, ты ведь это понимаешь?

Мама все говорит и говорит, точно громкая игрушка на батарейках, а мне нестерпимо хочется убраться из родительского дома и просто посидеть в тишине. Нервно поглядываю на часы – половина пятого вечера. Меньше чем через час я встречу с Илоной, что целую неделю не находила свободного времени даже для телефонного разговора. То у нее работа, то собрания...

– А как же свадьба? Дети? – продолжает мама свой истеричный монолог. – Какое будущее тебя ждет без Миши?! Еще эта твоя работа! Ты постоянно в ней!

– Да, действительно, мама, – отвечаю я резко, поднявшись с места. – На нем ведь свет клином сошелся, верно? Неужели ты не слышишь меня? Я его не люблю! И понятия не имею, когда вдруг это случилось, может на прошлой неделе, а может и год назад, но одно знаю точно – я ни за что не буду с кем-то, вопреки своей воле! А теперь извини, у меня важная встреча через несколько минут.

Быстрым шагом направляюсь в прихожую. Небрежно сую ноги в ботильоны, хватаю свое пальто, поспешно набрасываю и, не завязав широкий пояс, распахиваю входную дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.